Жениться и обезвредить

Автор:
Андрей Белянин

Жениться и обезвредить

Андрей Олегович Белянин

Тайный сыск царя Гороха #7

А ведь как хорошо всё начиналось… Золотая осень, теплынь, пора свадеб, моя невеста Олёнушка спешит в Лукошкино, я её честно жду, отец Кондрат уже назначает день нашего венчания и… Абзац! Всему! Горох рехнулся (по полной программе!), царица от него уходит, меня (участкового!) сажают в тюрьму, Яга устраивает скандал за скандалом, Митьку бьют (ну это не ново), на город движется орда шамаханов… и самое неприятное, что всему этому нет никакого логического объяснения. Просто не повезло, и всё тут! Милицейская интуиция в голос вопит, что не так просто. А как? Пока не знаю, разберёмся. Главное – успеть жениться… и обезвредить. Опергруппа, на выезд!

Андрей Белянин

Жениться и обезвредить

…Утро не задалось с самого начала. Причин много. Первую могу указать абсолютно точно: вчера мы с котом Васькой «побились об велик заклад» (на пол-литра сметаны), что наутро бабкин петух не прокукарекает мне подъём в четыре часа, а дотерпит как минимум до восьми. Согласитесь, довольно завлекательная идея дать усталому милиционеру хоть один раз в законный выходной выспаться по-человечески. А в результате что?

В полчетвёртого утра я проснулся сам как миленький и ворочался с боку на бок, ожидая, закричит или не закричит эта проклятая пернатая скотина?!
Не закричала… Но ровно в ноль три пятьдесят девять за окном раздались звуки приглушённой борьбы, перемежающиеся хриплым рычанием, горловым мявканьем и свищущими ударами крыльев.

Да-да, внизу, прямо у нас на заборе, чёрный Васька пытался зажать клюв бабкиному петуху, а тот отбивался, как психованный горнист, которому враги-контрреволюционеры не дают сыграть полонез Огиньского. Причём кот явно сдавал! Такое впечатление, что горластая сволочь с гребешком за лето окончила курсы какого-нибудь экзотического стиля ушу типа «пьяный петух в балетной пачке»… Он так лихо дубасил Василия крыльями под рёбра и шпорами в пах, что только шерсть летела!

Положение спас заспанный Назим, вылетевший из-под крыльца с ножом в зубах и половником наперевес. Петух вырвался, взлетел на наши ворота и уже оттуда победно прокукарекал наступление утра. Я глянул вниз, заботливо плеснул водички на распростёртого кота и окончательно понял – петух не жилец. Теперь у него уже трое кровников…

В горницу спускался мрачно, вроде бы и зевая, но, с другой стороны, не усну теперь точно. Яга суетилась у печи, судя по тому, что на меня даже не глянула, – тоже не в настроении. И должен признать, повод у неё есть, и весомый…

Отмотаем некоторое время назад. Итак, я – Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, бывший москвич, непонятно какими судьбами угодивший в мир русских сказок времён царя Гороха. Застрял здесь крепко-накрепко, занимаюсь своим делом, состою на жалованье и в целом вполне обустроился.

Сам царь у нас хороший, здравомыслящий, хотя и разноплановый, что порой приводит к нехилым казусам и перекосам. Однако ума открыть в столице первое отделение, назначить меня сыскным воеводой и поселить в тереме Бабы-яги ему хватило. В остальном типичный русский самодур – и на плаху пошлёт, и последней рубахой с нищим поделится. Таких в народе любят…

А вот бабка у нас уникальна по всем параметрам. Она и хозяйка, и эксперт-криминалист, и просто бесценный фольклорный персонаж – не любить её нельзя! Да и опасно, кстати. Хотя тут я, возможно, сгущаю краски в связи

с теперешними проблемами, но о них позже сами догадаетесь.

…Из сеней высунулась заспанная Митькина физиономия, он одним глазом оценил обстановку, сопоставил две наши недовольные рожи и мудро решил не возникать. Первоначально этого увальня, с силой Ивана Поддубного и мозгами, как гири того же борца, нам дали в нагрузку. Потом он прижился, пообтесался и даже заметно поумнел, хотя жизнь нам продолжал отравлять с завидной регулярностью. Зато милицейскую работу любит круче квашеной капусты, а это подкупает…

Во дворе тихо перекликались дежурные стрельцы охранной сотни Фомы Еремеева. Тоже наши ребята, практически местный спецназ. Без их помощи в Лукошкине уже никуда, в конце лета, ближе к осени, преступность всегда активизируется. Разбойники, воры и спекулянты стремятся набить карманы до наступления холодов и зимовать на доходы от продажи неправедно нажитого добра, в тепле и уюте… Ха!

Вот тут-то, на страже закона и правопорядка, и появляемся мы, вечные заступники и вечные крайние. Попробую всё объяснить по порядку, но не сейчас – Яга уже накрыла на стол и ждёт к завтраку:

– Ты кушай, кушай, Никитушка, не смотри на меня старую, чего уж…

Я молча обозревал стол: гречневая каша с грибами, блины с мёдом и горячий чай. Надо умудриться и что-то съесть, и не обжечься, и вылезти из-за стола как можно быстрее. Потому что начинается…

– Олёнушка-то твоя, слышала, к обеду приезжает. Ну вот и ладушки, не век же тебе холостым ходить. А я-то уж сама буду, обо мне и не думай, кушай давай…

Это у нас уже третий день. Бабка просто изводит меня муками совести и сама на немецкий валокордин подсела, как на наркотик. Валерьянка с пустырником уже не помогают…

– Я ж не без понятия, ваше дело молодое – честным пирком да за свадебку! А я тебе кто? Я те как есть никто, на венчание пригласили – уже спасибо! Мог бы и взашей турнуть дуру старую, я ить не в претензиях…

– Бабуль! – Я со стуком отложил ложку.

– Чавой, Никитушка? – мгновенно делая самые невинные глаза, вскинулась моя домохозяйка. – Али кашка не упарилась, али блинки остыли, а может, болтовня моя старушечья не ко двору пришлась? Дак ты плюнь и прости, мало ли чё развалина слабоумная на костяной ноге языком молоть будет…

А ведь согласитесь, царь предупреждал! Даже в отпуск нас всей опергруппой отправил в надежде отсрочить этот бред, эту кару небесную, эти разборки милицейские… Спасибо, государь-батюшка! Отсрочил! А теперь что? Умереть мне тут от разрыва сердца?!!

– Никита Иванович, – тихо пробурчало из сеней, – тут к вам Фома Силыч, с докладом набиваются. Пропустить или так перетопчется?

За дверями раздался возмущённый мат Еремеева, ибо уж если Митя хамит, то прицельно, потом ещё звуки недолгой борьбы, и помятый начальник стрелецкой сотни кубарем выкатился к нам в горницу. Багровый от ярости Фома только взглянул разок на нас с бабкой, мысленно выругался и молча сел напротив меня за стол, без приглашения. Чувствуете, до чего доведено всё отделение? Скоро искрить начнём, обходя друг друга за версту.

– Чаю будешь? – ровно предложил я.

Сама Яга поджала губки и, демонстративно промокая платочком уголки глаз, проскрипела к себе в комнатку. Дверь за ней захлопнулась с грохотом пушечного залпа.

– Опять, что ли? – шёпотом спросил Фома.

Я кивнул. Третий день. Как держусь – ума не приложу…

– Да уж, влип ты, участковый. Не бывать в одном улье двум маткам, не летать вокруг одного лебедя двум лебёдушкам, не скакать вокруг одного кобеля двум…

– Фома, блин!

– Тьфу ты, прости господи, – честно перекрестился он. – Заболтался! Да ить с вашими напрягами уже совсем ум за разум едет! Разобрались бы вы по-людски, что ли?

– И я им о том же, Фома Силыч, – предательски прогудело из сеней. – Ну мало себе нервы портят, мне, мальчонке неповинному, сотруднику безгрешному, почитай всю кровь вёдрами выпили! А я-то молчу, молчу, да и ну как отпишусь царице мемуарами…

– Митька, не лезь не в своё дело! – рявкнул я.

– Вот так, Фома Силыч, – незамедлительно откликнулся он. – Затыкают на кажной фразе, слова вымолвить не могу, скоро уж и рот зашьют, с бабули станется.

– Митька! – действительно раздалось из бабкиной комнатки. – Замолчишь ты аль нет?! Не доводи до греха – ить под горячую руку и впрямь не помилую.

– Что и требовалось доказать, – скорбно заключили сени. – А ведь тока один Никита Иванович женится. Ну а, не приведи господь, я бы об законном браке помыслить посмел? И жить мне, молодцу, опосля того признания ровно три минуточки…

Я грохнул кулаком по столу, посуда дзынькнула, бабка пристукнула костяной ногой, и даже Еремеев невольно перекрестился. Из-за печки высунулся было сизый нос азербайджанского домового и блюдо со свежей пахлавой, мгновение спустя и он исчез, не нарываясь на личности. Сколько Назим заплатил откупного нашему прежнему домовому, мне в цифрах неизвестно, но дело они сладили без драки, вроде бы на вполне взаимовыгодных условиях. Мне так даже лучше: наш бывший вообще ни разу не показывался, а этот умел поговорить и поддержать компанию, к тому же разбирался в здоровой пище для «кавказского долголетия»! Ну и Яге глазки строил абсолютно искренне…

– Фома, меня царь не вызывал? – с нажимом спросил я.

– Не-э… вроде… а?! Ага! Точнёхонько, ещё со вчерашнего вечера вызывал!

– Одного?

– Э-э… не… – не сориентировался сотник, но я уже встал.

– Значит, опять одного! Пошли, проводишь.

В сенях Митяй, молитвенно сложив ладошки, на языке мимики и жестов, со слезами в глазах, попросился с нами. Типа в доме ему сейчас оставаться – смерти подобно, бабуленька в таком настроении его в ёжика нетрезвого превратит и по столу маршировать заставит. Доля истины в этом есть, я тоже не зверь, всё понимаю, пришлось взять…

* * *

Шесть утра; несмотря на воскресенье, уже везде суетится народ. Первыми выползают дворники-татары, они у нас этот бизнес плотно держат. За ними уличные торговцы, ещё часик-другой – и базар загудит во всю мощь. Со стороны Немецкой слободы показался дружно марширующий отряд юных фройляйн, идут строем на речку, будут бельё полоскать. Вот и телеги крестьянские от главных ворот на площадь потянулись, мужики сельскохозяйственную продукцию везут. Основная битва за урожай ещё не начиналась, но сады изобилуют фруктами, хозяева за бесценок отдают, хоть мешками уноси…

Олёна должна была прибыть ближе к обеду, с купеческим обозом из Сибири. В смысле это обоз из Сибири, а Олёна – моя невеста, и гостила она у тётушки в соседнем городе, верстах в двухстах от Лукошкина. Вот она вернётся, и мы поженимся, я давно собирался. Венчать отец Кондрат будет, свидетелем с моей стороны немецкий посол Кнут Гамсунович, со стороны невесты – сама царица!

Лидия Адольфина Карпоффгаузен, законная жена нашего всеми любимого Гороха, сразу предупредила, что если ей не дадут побыть «свидетелкой нефесты», то она будет очень огорчена и «горько плакать, а Горошек этого не пропустит… не попустит?.. не запустит?!». Короче, всем всё ясно. Да, она хорошая, хоть и австриячка, обрусела в считаные дни, и стрельцы за неё горой, так матушкой и кличут… Или по матушке, но это если государыня очень уж гайки завинчивает, и такое бывает.

– А и доброго здоровьечка, Никита Иванович! – с поклонами сняли шапки двое хорошо одетых бородачей из Кузнечного квартала. – Как жизнь да служба? Не сегодня ли невестушка ваша из краёв заморских прибывает?

– Здрасте. Сегодня. От тётки из-под соседнего… – коротко попытался отмазаться я, но разве ж от нашего народа так просто уйдёшь… Фигу!

– Вот дело-то ладное! А мы вам на свадебку подкову знатную на ворота изготовили! Всем миром на счастье ковали, уж не побрезгуйте…

Мама родная! Их там восемнадцать мастеров с подмастерьями, и все на одну подкову?! И какого же она тогда размера? С предполагаемое счастье, да?!

– Да будет бахвалиться-то, – мигом раздалось с другой стороны улицы. – Эка невидаль, подкова, железяка гнутая! Вот мы, гончары-молодцы, цельный воз горшков да плошек, крынок да чашек, блюд да тарелей, расписных немыслимо, в глазури блестючей, новобрачным наобжигали! Будет из чего щи хлебать, бражку пить, рассолом баловаться… Уж не побрезгуй, сыскной воевода!

Я молча надвинул фуражку на нос. Поздно… Пока мы с Фомой и Митькой плелись через Базарную площадь, со всех краёв слышались бурные поздравления, щедрые пожелания и посулы самых замечательных подарков от всей широты необъятной русской души. Впрочем, и не только русской…

– Участковый, э-э, не побрезгуй давай! Сюда давай, э-э! Ковёр тибе пиривизли, на! Сам бери! Денег не нада! На свадьбу твою одыним глазком, э-э, гилянем, и всё! Два ковра бери! И вот этот… маленький… кирасивий… в уборную!

– Отступись, бабы, я сама говорить буду! Так вот те слово моё, Никита Иваныч… Хотя какого ты мне Иваныч, сын ты мне… сынок… Никитушка! Вот так бы на руках-то и закачала, так бы у груди и затискала, так и… о чём эт я? О! Цельную бочку капустки квашеной со брусничкою от тётки Матрёны на свадебный стол прими, не побрезгуй! И вот ещё даром горсточку… Бери, бери, она, поди, не очень мокрая, охальнику своему скормишь!

– А что ж гостю дорогому, милиции любимой, ко столу нашему дорогу-то загораживают! Расступись, народ, батюшка участковый тоже живой человек. Ему, может, тоже хочется с утречка да в честь праздничка, покуда холостой,

а потом жена не даст, так, что ли? Ох и ядрёная самогоночка уварилась, Никита Иваныч, друг сердечный… Три ведра тебе на свадебку ставлю! Тока не обессудь, без сертификату медицинского будет… Но на вкус – слеза Христова! Продегустируешь ли, отец родной, тока не побрезгуй…

Я даже не пытался ускорить шаг. Во-первых, бессмысленно, во-вторых, решат, что я убегаю или, того хуже, кого-то ловлю, и помогут всем миром. Ну их… Я вежливо выслушивал всех и вся. Список подарков расширился до ульев с мёдом, рулонов полотна, кобылы жеребой, шести лукошек с яйцами, набора столярных инструментов, новой сбруи с хомутом, подойника чеканного кубачинского, клетки для канареек, резной тумбочки из карельской берёзы и бус из чешского стекла. Причём каждое предложение сопровождалось сакраментально смиренным «уж не побрезгуй»… Видимо, на всё Лукошкино самым непроходимо-брезгливым считался именно я! А на выходе с Базарной площади нас ждал вездесущий дьяк Филимон Груздев. Мы трое дружно сплюнули через левое плечо, а Митька даже перекрестился, от греха подальше. Но поздно, наш вечный стресс вскинул тощую бородёнку выше крючкотворного носа и… бросился мне в ноги. Я же говорил, день не задался с самого утра…

– Ну и чего ж ты встал, аспид милицейский? Ступай по мне, топчи меня, безвинного, сапожищами уставными, попирай тело моё белое муками бесовскими! Всё одно мне жизни нет, с тех пор как тебя, ирода, в наше Лукошкино сам нечистый взашей вытолкнул…

Я попробовал обойти идиота. Не тут-то было – дьяк резво вертелся у меня поперёк пути, изображая первого христианского мученика в древнем Колизее, бросающегося под колёса колесницы императора Нерона.

– А вот не уйду, да и умру на том же месте! Истерзал ты мне сердечко ретивое, измаял душеньку, за привет да ласку да органам содействие одними слёзоньками уплатил! Ну так и убей своей рукой али ноженькой, самою смертушку уж почту благодеянием, тиран ты форменный…

Я было готовился просто через него перешагнуть, но после таких слов резко отдёрнул ногу. Мои же сослуживцы вытаращились на меня с таким изумлением, словно до этого гражданина Груздева знали исключительно с лучшей стороны. А этот провокатор явно разыгрывал перед всем миром сцену… ревности?!

– Врёт он. Ничего между нами не было, – стараясь никому не смотреть в глаза, зачем-то объявил я.

Мой младший сотрудник нервно сглотнул, почесал в затылке и, решив «подыграть», со всем пылом бросился доказывать двум совершенно левым прохожим полную ахинею:

– Чё встали, православные? Проходите! Сказано же вам, не было ничего. Чист Никита Иваныч, ни в одном глазу, ни словом ни делом… А уж жениться, как честный человек, он Филимону Митрофановичу не обещал точно! А без обещания – взятки гладки.

– Митя-а… – ахнул я.

– А чё? Пусть докажут!

– Что докажут?!! – взвились мы с оклеветанным дьяком.

Гражданин Груздев прозрел непрозрачные намёки и теперь орал на нас один, встав и вытянув обличающий перст к небу. Небеса изо всех сил сдерживали улыбку, притворялись равнодушными…

– Вы об чём на меня подумали, филистимляне необрезанные?! Каких ересей греко-римских начиталися?! И без того милиция ваша диавольская всех приличных мужиков без разбору в положение противоестественное ставит, так ты мне энто дело ишщё и посередь улицы предлагаешь?! Без ласк, без романтизму, без томления любовного… Шиш тебе!

Видимо, у меня как-то особенно исказилось лицо, и этот фрондёр мигом перешёл к делу:

– Заявление до тебя имею. В отделение занесть не могу, стрельцы твои, аки псы цепные, давеча пристрелить грозились за настырность. Вот и решился поперёк дороженьки вашей лечь, лишь бы грамотку мою вниманием удостоили.

Я покосился на Фому. Тот пожал широкими плечами. Последние три дня дьяк действительно ошивался у наших ворот. Вёл себя вызывающе, оскорблял

стрельцов при исполнении «легавыми» и «фараонами», пробовал плеваться с безопасного расстояния. В принципе всё как обычно, ничего нового. Кто-то из ребят вполне мог и сорваться, но извиняться перед дьяком от лица всего отделения – плохая примета…

– Митя, прими у гражданина заявление и догоняй нас.

– А вы к царю, что ль? Дак я с вами, – тут же увязался следом этот небритый аппендикс в рясе. Отвязаться от него законным путём возможности не было, поэтому дальнейшую часть пути прошли молча.

Официального вызова к государю у меня не было, но Горох по натуре жаворонок, то есть может принять рано и без доклада. А поговорить всегда есть о чём… У самых ворот Еремеев пожал мне руку и распрощался до вечера, у него насыщенный день, проверка постов, осмотр новобранцев и ещё что-то там личное, по дому.

Дьяк как репей повис на нашем младшем сотруднике. Даже поднимаясь по лестнице в царские палаты, я краем уха слышал, как Митька ровно объяснял брюзжащему зануде, что арестовывать эдакую прорву народа мы не будем и расстреливать никого не станем и каторги для детей от трёх до семи у нас законом не предусмотрено, а если у Назима прописка азербайджанская, так про то у Яги спросить надобно, а она вмешательств в свою личную жизнь очень не любит.

Дальше я уже просто ускорил шаг, потому что нервов моих на них всех не хватит. А Филимон Митрофанович, тот, известно, без звиздюлей как без пряников, правильно его Митя послал: бабке только намекни на прописку, она и сама, поди, из нелегалов, всю молодость по лесам да болотам в избушке партизанила.

– Как сам? – Я вопросительно кивнул на дверь в малые покои государя.

Двое стрельцов из охраны Гороха неопределённо пожали плечами.

– Опять пишет?

– Угу, – кивнули они. – И всю ноченьку писал. Матушка плакала ажно… Говорит, будто это узкоглазые его чем заразили.

– Ладно, посмотрим.

– Ты уж полегче там, сыскной воевода. Не ругай его так уж… под впечатлительностью государь…

* * *

Короткая предыстория. В двух словах. Неделю назад наше Лукошкино посетила с дружественным односторонним визитом японская делегация с Хоккайдо. Что-то выторговывали насчёт леса и островов. Подарили батюшке царю красивые гравюры, два веера, самурайский меч и томик стихов то ли Васё, то ли Масё. Горох попросил перевести, весь вечер хихикал: типа три строчки не поэзия, так и любой дурак сможет. А потом подсел…

– Ирассей массей! – по-японски приветствовал меня русский царь, не отрывая глаз от созерцания маленькой сосны бонсай в крошечном горшочке. – Заходи, Никита Иванович, друг сердечный. Посидим, чайку зелёного выпьем али саке пригубим по чуть-чуть? О, у меня как раз есть новенькое хайку на эту тему: «Друг в дом мой вошёл и сандалии снимать начинает… Быстро открою окно!»

– Это… вы… про меня?! – не веря своим ушам, едва выговорил я.

– Не-э… – Государь обмакнул кисточку в тушь и, от усердия чуть, высунув кончик языка, начал что-то быстро рисовать на листе рисовой бумаги. – Это я про боярина Кашкина. Хочешь, я о любви почитаю? Тоже совсем свежее… «Выпить жена не даёт, а до свадьбы сама наливала… вот они бабы!» Как тебе?

– Жизненно, – прокашлялся я, снимая обувь и без приглашения садясь на новую циновку.

Первую чашечку саке, размером с напёрсток, гостеприимный Горох церемонно булькнул мне сам и многозначительно подмигнул – японские традиции не позволяют самому наливать себе алкоголь.

– Царица не застукает? – на всякий случай уточнил я, наливая ему ответную.

Выпили не чокаясь. У обоих на мгновение скуксились физиономии (всё-таки тёплая разбавленная водка – дрянь несусветная!), но оба сохранили лицо. В том смысле, что не закашлялись, не поперхнулись и не выругались матом.

За дверью раздались грохочущие шаги.

– Легка на помине…

– Ви позфолите? – После деликатнейшего стука к нам вежливо заглянула матушка государыня. – Ой, майн либен, это же дорогой дрюг герр Ивашов! Как я есть рада фас фсюду фидеть! Как дела в полиции? Как фаша Олёнушка? Мы с Горошком принимаем ф ней большое причастие… участие… на фаше счастие! Ах! Это же есть почти стихи, да?! Я тоже хотела би…

– Сядь, а… – тихо попросил царь, стыдливо пояснив: – Второй день учу, что приличной гейше при беседе самураев рот открывать не положено. Пока туго идёт…

– Я стараюсь! Я фся есть…

– Ох уж старается она мне… До сих пор достойного шёлку на кимоно не нашла! Сандалии-то деревянные заказала хоть?

– Найн… – совсем поникла бедняжка. – Фаш плотник сказаль, что он не есть сапожник. Я буду их пилить сама.

– Сандалии али дворника с сапожником?! С ума она меня сведёт, Никита Иванович… простейших вещей запомнить не может. А ты-то куда встал?

– Не хочу смотреть, как вы в моём присутствии ни за что унижаете собственную жену! – чётко выговаривая каждое слово, припечатал я.

Царь охренел на месте! Других слов не нахожу. А Лидия Адольфина благодарно подняла на меня полные слёз голубые глаза. Вниз по лестнице я спускался вроде бы быстро, но всё равно не успел.

– Возвернуть! В кандалы! В Сибирь! На каторгу! Самолично обезглавлю дурака, а потом всё одно на каторгу! Я ему царь али кто?! Хватать сыскного воеводу!

Ну вот, это уже что-то… Это нормальный Горох, наш, не объяпонившийся. А то строит из себя Токугаву русского пошива…

– Эгей, погоди, батюшка участковый, – сзади заспешили царские стрельцы. – Ты уж или шаг ускорь, али давай мы тя для порядку повяжем. Чё ж ты эдакого самодержцу нашему сболтнул – ногами топает, аж поглядеть любо-дорого!

– Да так… за матушку государыню заступился.

– Святой ты человек, участковый, – с уважением откликнулись бородачи, а сверху уже доносился невнятный гул, похожий на шум прибоя, перемежаемый дроботом сапог, стуком посохов, счастливым матом и верноподданническими лозунгами.

– Беги, сыскной воевода, – бояре поднялись!

Ой, мама, родила ж ты сына-милиционера… Вот только бояр мне сегодня на мою голову и не хватало! С первого дня моей службы в Лукошкине я был объявлен всей боярской думой как враг народа номер один, на уровне Чингисхана, Гитлера или Баскова. Редкое дело нам удавалось довести до конца без помех с их стороны. А боярский бунт с попыткой государственного переворота? Или «альтернативное думское следствие» в лице пьяницы Псурова да дьяка Фильки?

О достопамятном аресте главы думской фракции знатного боярина Бодрова с собутыльниками и последующей посадкой оных в поруб вообще умолчим… Их же потом еле-еле в бане отогрели вениками и водкой, а так хоть на фестиваль ледяной скульптуры в Хельсинки отправляй! А к чему это я?

– Вяжи злодея-участкового-о!!!

Всё. Заболтался. Поздняк метаться. Будут убивать… В один миг я был атакован шумной, сопящей, бородатой толпой толстопузых политиков в высоких шапках. Глаза горят, зубы скрежещут, тяжёлые посохи уже перехвачены на манер

разбойничьих дубин, но…

– Не замай! – Меж мной и боярами грозно сомкнулись отточенные бердыши царских стрельцов. – Арестован он! В темницу ведём, а трогать не сметь!

Из боярской толпы незамедлительно выдвинулись две наиболее весомые фигуры – Кашкин и Бодров. У-у-у… Теперь я уже и сам никуда не спешил. Пока они ещё не вцепились друг другу в бороды, напомню: старик Кашкин, представитель прогрессивной боярской фракции, вечно в меньшинстве, но меня любит, как сына. А вот толстяк Бодров, хоть и моложе его лет на двадцать, но сторонник традиционализма и милицию на дух не переносит, так что…

– Да нешто мы, бояре, потерпим, чтоб лютый враг государев (это про меня?!!) во темнице тёплой с калачами да бражкой отсиживался? Казнить безмерно и немедля!

– Не след поперёк слова царского идти. Государь он строг, да и отходчив: сказано ж было – в Сибирь, значит – в Сибирь!

– Не буди во мне силу великую, старик, не ищи себе смерти безвременной, не стой на пути гнева праведного! А участковому я прям сей же час своей рукой фуражечку на другое ухо забекреню!

– Вот тока тронь Никиту Иваныча, я ить не посмотрю, что у тя двое детей-недорослей, как дам посохом поперёк зубов… а там уж пусть сажают! Хоть потешу душеньку на старости лет.

Прямо на моих глазах боярская дума бодренько разделилась на две неравные половины и начала засучивать рукава. Эх, Яги нет, она на такое поглядеть любит…

– Ты бы шёл отсель тихохонько, – шёпотом посоветовали царские стрельцы. Я, собственно, поступить так и собирался, но ведь день не задался с самого начала. То есть уйти не успел, потому что… Митя!

– Никита Иваныч, отец родной, держитеся! – медвежьим рёвом раздалось снизу, и наш бугай, огромными прыжками преодолевая ступеньки, на полном ходу

врезался в боярский строй. Меня он попросту смёл в сторонку, дабы не зашибить. – Расступись, Сократа не читавшие! Ништо, небось отмашемся-а!!!

Ну, как вы поняли, в результате он увлёк в развлекаловку всех. И «наших» бояр, и «не-наших», и стрельцов, и подоспевшую дворовую челядь, и меня, и… всех! Это Митя, его надо знать… Полчаса спустя он же каялся мне в отдельной камере, связанный по рукам и ногам, с синяками на полфизиономии, довольный, как тюлень в банке с прибалтийскими шпротами:

– Как я по двору ходил, да всё гоголем! Со носочка преступал да на пяточку! Что да песни распевал – всё народные, а частушки сочинял, так приличные! Тока слышу, стук да гром в царском тереме – там бояре бьют толпой всю милицию…

– Во-первых, не всю, а меня одного. Во-вторых, они, может, только собирались. И в-третьих, тебя-то кто просил вмешиваться?

– Тут не стал я, молодец, думу думати, а пошёл да на бояр всем намститити, – практически не слушая меня, нагло продолжал он. – Вот уж удаль где была, слава бранная! Вот уж душу отвели, оторвалися…

– Митька, – уже изрядно поднапрягаясь, возвысил я голос, потому что сидеть связанным в сыром полуподвальном помещении на несвежей соломе мне не улыбалось абсолютно. – Ты хоть наших успел предупредить?

– Не-а… А чё, надо ли было? Бабуленька и так про всё узнает, когда на казнь поведут.

– Куда-а?!

– Дык на плаху, куда ж ещё? – даже удивился он, мечтательно разглядывая сводчатый потолок. – Рази ж царь-батюшка попустит, чтоб вы его при государыне матом крыли, а потом меня, сотрудника младшего, при всех на боярскую думу спустили? Казнит, казнит всенепременно…

– М-минуточку, – теперь уже окончательно занервничал я. – Каким матом, что ты несёшь? И на Бодрова я тебя не науськивал, ты сам припёрся. Митя! А ну смотри мне в глаза, опять какие-то научные игры с психоанализом?!

Он честно повернулся, почти полминуты выдерживал мой взгляд, а потом всё равно сдался:

– Угадали! Так с вами даже неинтересно, Никита Иванович, а ить я энту схемку «группового воздействия» у Кнута Гамсуновича едва ли не месяц выспрашивал. Думаете, немцы так уж строем ходить любят? Ага, как же! Групповое воздействие, вот оно как…

Дальнейшие полчаса я тупо выслушивал всю эту восторженную ахинею насчёт его изощрённого плана, составленного по последним научным достижениям в исследовании глубинных процессов подсознания, и вовлечения в этот простенький опыт максимально большего количества влиятельных лиц. Короче, если всё выгорит – меня повысят в звании и наградят шубой с царского плеча, а если нет… Отрицательный результат он даже не просчитывал, заранее отметая его как лишённый логического смысла, но исполненный недостойного паникёрства.

Хотя если уж совсем по совести, то я по зрелом размышлении тоже как-то перестал особенно волноваться. Всё-таки царь у нас не деспот и самодур, а вполне вменяемый управленец. Пошумит, поорет, естественно, но не казнит. Погоны сорвёт, с должности снимет, но рук распускать не станет и на каторгу тоже не зашлёт. Сам, конечно, извиняться не придёт, но наверняка с минуты на минуту пришлёт кого-нибудь…

С традиционным лязганьем отошли дверные засовы, ну – что я вам говорил?!

– Вот, государь-надёжа сыскному воеводе передать велели! – Молоденький незнакомый дьячок, с наивными глазами и юношескими прыщами на носу, торжественно положил передо мной чистую рубаху, длинный нож, баночку с тушью и кисточку. Типа полный набор для ритуального харакири.

Боже, этот бред надолго?!

– На словах ничего передать не просил?

– Стих! – гордо возвестил посыльный и смущённо прочёл наизусть: – «Белая ткань, а на ней – алые пятна заката… Честь самурая строга!» Сказал, дескать, вы человек культурный, сами поймёте…

– Мить, ты понял?

– Не-а, – равнодушно откликнулся тот. – Поесть бы лучше принесли чего! Или вон хоть руки развязали, я энтой кисточкой записочку на волю накорякаю…

– О, а это идея, – согласился я. – Молодой человек, не сочтите за труд, я буду диктовать, а вы пишите. Потом занесёте в отделение Бабе-яге, она вам ватрушку даст. По рукам?

– С превеликим удовольствием, батюшка участковый! Чего ж не отнести-то? – Дьячок привычно разложил бумагу на колене и несколько неуверенно взялся за кисть. – А то я гадал, зачем царь вам энто всё отправил. Ну вот, хоть принадлежности писчие сгодилися. Глагольте!

– Э-э… «Бабушка, не волнуйтесь, мы с Митей в тюрьме. Пусть Еремеев за всем присмотрит. Казнь вечером, так что на ужин не ждите». Вроде всё?

– Что-нибудь ласковое в конце, – с укоризной подсказал мой младший сотрудник. – А то суховато как-то, обидится, пожилой человек…

– Да, разумеется, допишите ещё: «С наилучшими пожеланиями счастья, здоровья и любви, всегда ваши Никита и Митя!» Так хорошо?

– Так лучше, – кивнули они оба, и дьячок развернул записку ко мне, чтоб я проверил текст. Всё верно, без ошибок, толковый парень, нам такие в отделении всегда нужны. Надо не забыть переманить, как срок отмотаем.

– А государю ничего передавать не будете?

– Нет. Доложи, что всё исполнил, как велено. Можешь даже письмо Яге ему показать, пусть прочтёт, – подумав, разрешил я.

Паренёк отвесил поясной поклон, сунул записку за пазуху и вышел.

* * *

Мы снова остались одни. Ситуация глупейшая – сидим, связанные, в какой-то занюханной камере и ждём «суда неправедного». Милиционеры, блин! Борцы за справедливость и законопорядок! Довоевались… Я уж не говорю о том, что мне после обеда Олёну с обозом встречать! Где блин, царь?!

Засовы вновь лязгнули, мы вытянули шеи, но в темницу вошёл не Горох, а его дражайшая половина. Заботливая Лидия Адольфина Карпоффгаузен по-немецки извинилась за то, что без приглашения, и начала бодренько выставлять из принесённой корзины разнообразные вкусности. Ладно, тоже приятно.

– Я могу фас разфясать. Ви не будете от меня убегать, я?

– Натюрлих, Лидия Карповна, – с акцентом, но довольно бегло откликнулся Митяй. Всё-таки не зря он в Немецкую слободу шастает, нахватался помаленьку…

– Горошек ошень-ошень-ошень сердит, – печально рассказывала матушка императрица. – Ви мне есть настоящий дрюг, герр участковый, я это всегда ценить и говорить налицо, но… Но мне кажется, ви сегодня перешли граница… рубеж… фассальной ферности, найн? Я буду ходотаить за фас обеих!

– Обоих, – поправил я.

– Твоих сразу, – согласилась она, довольно ловко перерезая «ножом для сампуку» верёвки на моих запястьях.

На моём напарнике узлов было больше, с ним пришлось повозиться, зато потом спокойно уселись прямо на полу, без чинов и регалий, разложили сосиски, хлеб, копчёный шпик, стопочки под шнапс и как-то совершенно незаметно разговорились. Начали с чего-то вовсе нейтрального, вроде я сказал, что пробовал в Москве немецкое пиво, но никогда не ел рульку по-баварски. Царица Лидия тут же пообещала заказать её ближайшим обозом из Германии, а Митька заявил, что у Кнута Гамсуновича в слободе «энто дело подают с кислой капустой и гороховым пюре», чё возить-то?

Слово за слово, ещё по стопочке, с кулинарии перешли на внешнюю и внутреннюю политику, с неё на личную жизнь женщины до брака и в браке, на перспективы образования современной молодёжи и создания развёрнутой

программы содействия пенсионерам с отклонениями в психике. Отвлеклись, только когда в дверь постучали…

– Кто есть там нам мешать?

– Энтшульдиген зи битте. – В нашу уютную темницу с извинениями заглянул немецкий посол, Кнут Гамсунович. – Не помешаю, господа? Я слышал о вашем аресте, герр Ивашов, и не мог не попытаться прийти сюда, дабы выразить свой протест царским произволом и ещё раз подчеркнуть моё искреннее уважение вашим поступком!

– Каким именно? – чуть смутился я.

– Как?! – столь же искренне смутившись, поразился посол. – Да весь двор только и говорит, как вы обругали русского царя матом за то, что он был недостаточно вежлив со своей же царицей! Вступиться за честь женщины перед венценосной особой способен не каждый. Увы, истинное рыцарство честь приводит в тюрьму или на плаху. Но я горжусь вами! Позволите?

Господин Шпицрутенберг извлёк из-за пазухи длинную узкую запечатанную бутыль с чёрной кошкой на этикетке и вопросительно подмигнул. Чистопородный немец, он уже так давно жил у нас в России, что если и не обрусел окончательно, то, по крайней мере, обычаи знал и умел поддержать компанию. Митя охотно подвинулся, и дальнейшие разговоры пошли уже на четыре голоса. А мы хорошим людям всегда рады, даже в тюрьме!

Сравнивали церковную музыку в лютеранских храмах с нашим разноколокольным перезвоном, спорили о преимуществе голландского кроя камзолов, говорили об этнических конфликтах и пассионарной психологии шамаханов, о чём-то ещё. О, вспомнил, о том, кстати, что в длинной бутылке у посла оказалось роскошное вино, градусов на пять слабее шнапса, зато на травах. То есть в лучших милицейских традициях – мы не пьём, мы лечимся!.. И лечились, пока в дверь не постучали ещё раз…

– Заходите! – громко предложил я, и все согласно кивнули. Почему нет? Может, у нас сегодня День открытых дверей в Бутырском изоляторе?!

На пороге стоял малость удивлённый дьяк Груздев – как уж его-то пропустила охрана, ума не приложу. К тощей груди Филимона Митрофановича уютно прильнула двухлитровая бутыль мутного самогона. Ну-у… главное ведь повышать градус, а не наоборот. И то со сладкого винца нас уже как-то повело…

– Государь послал, из человеколюбства христианского, проведать, не надо ли чего? А вы тут вона что, за спиной государевой?! – Но, заметив среди нас гордо выпрямившуюся царицу, опытный скандалист мгновенно сменил тон. – Но ить с матушкой Лидией Карповной оно, конечно, можно. Она ить, головушка светлая, лебёдушка белая, небось стыдить пришла души ваши заскорузлые, а я и…

– Да присаживайтесь! И бутылочку давайте на общий стол, раз уж принесли…

– Не тебе нёс, мент соломенный, – взвился было дьяк, но опять-таки в мгновение ока сменил тон. – Однако же за-ради честной компании с каким змием не помиришься. Угощайтеся, люди добрые, пейте, аки кровь мою, чистую… Не сам гнал, но где брать – ведаю!

В принципе мы все были уже более чем чуточку хорошие, а после второй или третьей стопки и наш долгополый представитель жеребячьей породы тоже вдруг оказался не самой распоследней сволочью. Филимон Митрофанович охотно припомнил свои летние похождения в Подберёзовке, сам первым визгливо хихикая над собственным, едва не состоявшимся «бракосочетанием», от которого его удержало единственное здравое опасение – получить Митеньку в пасынки. Мите, как вы понимаете, такой отчим, как дьяк, тоже глубоко не в радость, поэтому пили за то, чтоб «всем было хорошо и никому не обидно…».

– Мне обидно, – глухо раздался чей-то жалостливый голос от дверей.

– Горошек?! Это есть ты? – Матушка государыня мигом обернулась к пришибленному судьбой царю. – Зачем тебе так скучать, иди к нам! Ми тут… слегка и по чуть-чуть… То есть нам уже почти весело, но без тебя… как-то…

– …Не то! – дружно поддержали все мы.

Горох выдохнул, махнул рукой, дал какие-то распоряжения стрельцам по ту сторону дверей и решительно присоединился к нам. Как я понимаю, казни

сегодня не будет. Митькина схема группового воздействия сработала на все сто. Осталось дождаться повышения в звании и шубы с царского плеча. А в темницу быстренько доставляли чистую скатерть, перемену горячих блюд, сёмгу и чёрную икру, закуски и разносолы…

Короче, мы с Митей удрали первыми. Остальные уже вовсю пели, обнимались, клялись в вечной дружбе и взаимном уважении, так что на наше исчезновение особого внимания не обратили. Своего младшего сотрудника я уволок практически за шиворот (ему пить нельзя – кодируй не кодируй!), а мне ещё Олёну встречать – вдруг она с большим багажом? Митька в этом плане бесплатная тягловая сила.

– Хорошо ещё, Бабуленька-ягуленька нас спасать не откликнулась, – значимо изрёк он, когда охрана задними калиточками вывела нас с царского подворья.

– Что, кстати, странно, – отметил я, поддерживая разговор. Обычно наша эксперт-криминалистка себя долгими сборами не утомляет – прилетит на ступе и забомбит весь гороховский терем на фиг! А тут… даже Ваську с напильником не прислала…

Но хуже всего оказалось известие, что так долгожданный мною обоз прибыл ещё два часа назад. То есть, заигравшись с Горохом в «тюрьму», я безбожно опоздал на встречу с любимой девушкой! На Гостином дворе разгружали последние телеги, иностранцы, примкнувшие к нашим купцам ещё от северной границы, уже разошлись по своим посольствам и торговым домам. Мой верный напарник пошнырял туда-сюда, что-то понавыспрашивал, кому-то поугрожал, где-то выцыганил настоящий французский круассан и вернулся ко мне с подробным докладом:

– Прибыла пассия ваша разлюбезная! Добралась в цельности и сохранности, в пьянстве по дороге не замечена, себя блюла, одному обозному аж ухо открутила за намёки безобразные. Вон на той скамеечке цельный час сидела, как лапушка, всё вас выглядывала. Потом всплакнула вроде, да и пошла в отделение…

– Куда? – не сразу поверил я.

– Дык… в отделение, ясное дело, – недоумённо пожал плечами Митька. – Дома-то у неё здесь нет, жить негде, вот она со своим сундучком к вам на работу и направилася. А чё не так-то? Вроде всё логически обоснованно… Вы куда, Никита Иваныч?! Я ить ещё не всё рассказал-обозначи-и-ил…

А-а, в задницу этого умника с его расширенным словарным запасом! Меньше знал, так хоть не лез везде со своим «логическим обоснованием»! Остатки хмеля сразу улетучились из моей буйной головы. Я рванул с места и несся вперёд, как милицейский «уазик», поднимая тучи пыли и со скрежетом тормозя на поворотах. Если в нужных местах бежать очень быстро, а потом совсем не бежать, то есть идти вразвалочку, с ленцой, то народ подумает, что это я так, дурью маюсь, и помогать не кинется. Тут главное – опыт и знание психологии, в противном случае к отделению я бы вылетел в сопровождении как минимум сотни не очень занятых горожан. С Митькой потом объяснюсь, а сейчас главное – не допустить столкновения Олёны и Яги! Однако по бледным лицам вытянувшихся стрельцов нашей команды я понял, что второй раз за сегодня катастрофически опоздал… Нет, ну что за день, а?!

– Еремеева ко мне!

– В тереме он, батюшка участковый, – тихо шепнули стрельцы. – Как девица твоя внутрь вошла, так и он следом отправился. Пропащая душа…

– Это почему ещё? – внутренне похолодел я.

– Да уж так, предчувствие… – скорбно перекрестились оба бородача. – А нам пост покидать нельзя. Фома Силыч, прими его Господь, очень уж строг на энто дело.

– Тьфу на вас, болваны! – не выдержав, рявкнул я. – Развели тут демагогию на пустом месте… Сейчас должен Митя подойти, скажете, чтоб в дом шёл. А кроме него, никого сюда не пускать! Карантин у нас в отделении.

– Чаво?

– Карантин! Ангина! Чума! Холера и птичий грипп, вместе взятые, ясно?!

Не в силах больше тратить свои нервы ещё и в воротах, я решительным шагом пересёк двор и бодренько взбежал на крыльцо. Дверь открывал так осторожно, словно с той стороны была привязана граната. Сени встретили меня гробовым молчанием. Ладно, разберёмся, не в первый раз…

– Всем привет! Не ждали? А я от царя, вот только-только из тюрьмы… – бодро проорал я, бочком входя в горницу.

Немая сцена – на скамье сидит мрачный, как ноябрьская туча, кот Васька с ароматной кружкой в нетвёрдой лапе. Ароматной потому, что иначе не скажешь, запах валерьянки едва ли не валил с ног. Плечом к плечу с Васей, счастливый до умопомрачения, домовой Назим с уполовиненной бутылью чего-то азербайджанского крепкого. Морда сияет почище бабкиного самовара! Причём ни моей невесты, ни моей домохозяйки нигде не видно. Зато на столе лежит высокая шапка стрелецкого сотника и… Прошу прощения, вообще-то не лежит, а перемещается по столу неровными, короткими движениями с приглушённым негодующим кваканьем. Вопросов нет. Та-ак…

– Где Олёна?

Пьяный кот молча указал когтем наверх. Ясно, в моей комнате.

– Где Яга?

Столь же нетрезвый Назим, хмыкнув, кивнул в сторону комнатки моей домохозяйки.

– А… это Еремеев, да?

Кот и домовой покосились на прыгающую шапку и церемонно чокнулись в знак согласия.

Очень-очень-очень длинную минуту я думал, куда пойти в первую очередь? Ну Фома подождёт, ему всё равно деться некуда, а вот женщины… Поднимусь к Олёне – гарантированно задержусь там надолго, потому что надо объяснить, почему опоздал, попросить прощения за то, что не встретил, и хотя бы вкратце выслушать, что тут произошло. Пойду к Яге – придётся час распинаться

в извинениях, требовать расколдовать попавшего под горячую руку сотника и ещё час выслушивать бабкины вздохи, всхлипы, слёзы и укоры. Какой у меня выбор, а?!

– Этого стеречь и не выпускать! – игнорируя призывное кваканье из-под шапки, приказал я и опрометью бросился вверх по лестнице. В общем, недалеко ушёл, потому что почти в ту же секунду врезался в широкую грудь моего верного напарника, входящего из сеней. Как кстати! – Митя, бабушка на тебе! Успокой, обними, утешь, объясни ситуацию, но в психоанализ не лезь – убьёт! Общий сбор за столом через пять минут, в остальном – действуй по обстановке.

– Рад стараться, Никита Иваныч! Ужо не подведу, отец и благодетель!

Вот не люблю я, когда он так говорит, но поздно, ноги сами несли меня наверх, а сердце пело от предвкушения долгожданной встречи с любимой…

* * *

Олёна явно услышала мои шаги и встретила меня почти на пороге. На мгновение мы просто встали лицом к лицу, едва ли не касаясь друг друга, и молча пытались хотя бы посмотреть глаза в глаза… Я понял, что безумно её люблю, что искал именно такую, что никогда и ни на кого её не променяю, что хочу видеть её каждый день, каждый час, каждую минуту своей жизни!

– Родной…

– Да, любимая… Прости, я…

– Я понимаю…

– Но… честно…

– Я тоже, я…

– Вот тут и…

– Да…

Я развёл руками, демонстрируя свои скромные апартаменты, она улыбнулась и кивнула. Со стороны наш диалог, наверное, выглядел до безобразия содержательным. Плевать! Без разницы! Кому какое дело? Главное, что я смотрел в её глаза и видел, что она меня понимает. Значит, любит… И я её люблю. Она сделала шаг вперёд, молча прижавшись лбом к моему плечу.

Дверь едва слышно скрипнула. Я скосил взгляд – в узкой щели горел зелёный кошачий глаз и слышалось пьяненькое хихиканье. Потом глаз исчез так резко, словно Ваську оттащили за хвост. В дверь подчёркнуто вежливо стукнули, и краснеющий за поступок друга домовой церемонно объявил:

– Абэд! Все ждут. Как брата прашу, старался очень, да?!

– Я не пойду, – быстро откликнулась Олёна. – Там что-то с бабушкой вашей… страшное. ТАК на меня посмотрела… Я тебя здесь подожду.

– Успокойся, ты же со мной, – как можно увереннее произнёс я. – Назим, Яга внизу? Как она?

– Как роза! – широко улыбнулся он во все тридцать два зуба, а может, и больше.

Повезло мужику… Я раньше, грешным делом, думал, что он нашей домохозяйкой восхищается, чтоб работу получить и в столицу переехать. Но нет! Этот азербайджанец был влюблён абсолютно искренне и честно, не придерёшься, только позавидовать…

И всё-таки вниз идём вместе, не хватало ещё, чтоб бабка на нервах не решила, что мы с ней теперь за один стол не сядем.

– Первым иду я, держись через две ступени за спиной. Заметишь вспышку – пригнись! Если ничем не заденет – уходи огородами к царю, Лидия Адольфина тебя прикроет. Обо мне не думай, я выберусь… но если…

– Родной, ты о чём вообще?! – на мгновение вытаращилась бывшая бесовка.

Действительно, о чём это я?! Мы же не на войне, а в любимом отделении. Всё будет замечательно! Просто день не задался с самого утра, как вспомню…

И вот он – момент истины! Внизу за столом Баба-яга, во всём строгом, прямая и величественная, как Эйфелева башня. Напротив на лавке чёрный кот Василий – уже трезвый и потому злой, как чукча в полярную ночь в ожидании безбожно опаздывающего вертолёта геологов. Назим растворился, как коричневый сахар в бакинском чае с чабрецом. Мити нет! На столе между самоваром и пирогами потерянно стоит гордая стрелецкая шапка Фомы Еремеева, но кваканье из-под неё разносится уже явно на два голоса. Ясно, тут и без особой дедукции никаких дополнительных вопросов не возникает…

– Добрый день, не помешаем? – всходя на первую ступеньку эшафота, бодренько поинтересовался я.

– Отчего ж, Никитушка, присаживайтесь, али я так похожа на тигру какую беззаконную?! – столь же жизнерадостно, с нотками истерии в голосе, ответствовала наша эксперт-криминалистка.

Мы с моей невестой как можно осторожнее присели на скамью на противоположном конце стола. Обоюдное молчание провисло, отдавая металлическим звоном и запахом пороха. По сути, не хватало только одной искорки.

– Бабушка, нам надо поговорить. Разумно и серьёзно, как взрослым людям с жизненным опытом и трезвым взглядом на вещи.

– Давай, Никитушка, не томи. Добивай меня, старую…

– Ещё раз подчёркиваю…

– Не надо, родной, я сама, – вступилась Олёна, и это была последняя роковая ошибка.

Яга отреагировала на подавшую голос девушку, как испанский бык на тореро в красных семейных трусах. Я помню, что ещё как-то успел встать, заслоняя собой любимую, а у моей домохозяйки глаза сошлись в две узкие синие щёлочки,

из которых вот-вот должны были вырваться молнии, как…

– Прощенья просим, гражданин участковый! – раздалось откуда-то с высоты небес. – А только дело у нас неотложное. Заявление в твою милицию имеем!

В дверях совершенно открыто, не прячась, грудью вперёд (то есть абсолютно не сообразуясь с требованиями техники безопасности) стояли двое представительных мужчин. По внешнему виду купцы, и скорее всего даже братья, вполне обеспеченные, но явно не наши, не лукошкинские. Наши к бабке без поклонов и носу не сунут, знают, что почём…

– Э-э, присаживайтесь, граждане. – Я откашлялся и жестом пригласил посетителей за стол. – Прошу извинить некоторую неформальность обстановки, у нас тут… плановое совещание, но… в принципе…

– Служба превыше всего, – взяв себя в руки, со скрипом сдалась Яга. – Уж мы, бабы глупые, небось мешать не будем, тихохонько в уголочке посидим. Так ли, Олёнушка?

– Конечно, бабуленька, – столь же медово откликнулась моя невеста. Прямо нежная любовь свекрови и снохи, аж слезу вышибает от умиления! Уже только поэтому я не верил им обеим ни на грош.

– Благодарствуем. – Купцы переглянулись и чинно присели на широкую скамью. – Дело наше важное и непростое будет. Возчик у нас по пути помер, аккурат за два дня до столицы вашей.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил я, раскрывая блокнот.

– Преставиться? – не поняли гости. – Так ить мы о том и толкуем, возница наш преставился. Не мы! Мы-то, слава те господи, живёхоньки.

– Фамилии ваши?

– Анисимовы, Фрол и Севастьян, – важно кивнул тот, что постарше. Значит, всё-таки братья. – Дело торговое ещё от деда ведём, а он от прадеда. Торгуем, стало быть, с иноземцами всякими разными медью да тканями, а также и тем,

что законом указано…

– Будет врать-то, – не поднимая глаз, вставила бабка.

– Ну и неуказанным товаром тоже грешим, – не меняя тона, согласились купцы. – Однако с рассудком, совесть имеем и на церковь жертвуем. Так что с возчиком-то?

– А что с ним? Как именно умер? Какие соображения заставили вас считать, что со всем этим непременно стоит обращаться в милицию? – спросил я.

В горнице повисла напряжённая тишина… Что-то клинит меня сегодня, день тяжёлый, с самого утра пошёл не туда. Попроще надо с людьми, а я как не на работе…

– Прошу прощения, граждане. Не могли бы вы всё рассказать по порядку и поподробнее. Как звали покойного? При каких обстоятельствах умер? Что именно в его смерти показалось вам подозрительным?

– Про то пусть братец мой младший ответит, у него язык лучше подвешенный, – успокоившись, кивнул старший бородач.

– Стал быть, возница из обозу нашего помер, – охотно пустился живописать второй купец. – И нехорошо, стал быть, так-то помер, неопределённой смертию. Вечор ещё живёхонек был, песни орал, дорогу оглядывал, с девками шутки шутил. На привале скотину распряг, обиходил, отужинал, стал быть, прилёг вроде…

– В каком смысле «вроде»?

– Ну вроде спать лёг, под телегою, как все, а наутро, стал быть, видим – нет его! Уж искали, кричали, а он, сердешный, аж едва ли не за полверсты по дороге вперёд ушёл, да и висит себе на берёзке. Стал быть, весь мёртвый.

– Повесился, что ли? – не понял я.

– Как можно, это ж какой грех будет?! – сурово вздохнул старший купец. – Просто так он висел, поперёк ветки, холодный уже.

– На теле были следы насилия – раны, ушибы, порезы?

– Стал быть, ничего подобного и нетути! – опять включился младший. – Мы ж люди опытные, не один год с обозами ходим, и народец у нас отчаянный – от любого разбойника оборониться сможет. А тут уж, стал быть, ни единой царапинки. Тока одному Богу и ведомо, как душу отдал.

– Где тело? – Переглянувшись с Ягой, я понял, что дело заводить придётся, не отвертимся.

Тело несчастного возчика, именуемого, как выяснилось в дальнейшем, Николаем Брыкиным, купцы с берёзы сняли и в сохранности доставили в Лукошкино. В данный момент оно находилось на Гостином дворе, в подвалах со льдом и солью. Так, экспертизу проведёт бабуля, Митьку отправим побеседовать с другими людьми из того же обоза, а братьев Анисимовых пока можно отпустить. Они свой гражданский долг выполнили.

– Спасибо за бдительность, граждане. – Я встал и, прощаясь, пожал руку каждому. – Мы непременно разберёмся в причинах таинственной гибели вашего работника. Если вспомните ещё что-нибудь важное или вдруг кого-то подозреваете, то милости прошу, сразу к нам!

– Подозреваем? – едва ли не в одну секунду вскинулись купцы. – Дык ведь вот она, девка эта приблудная! Из-за неё небось Брыкин и сподобился… Она-то и есть!

– Что за бред? – не успел даже толком удивиться я, когда понял, что взгляды всех присутствующих сошлись на моей невесте. Олёна молча опустила ресницы. Спокойствие, только спокойствие. – Разберёмся. Все свободны, ещё раз спасибо.

Я собственноручно, не чинясь, вытолкал обоих представителей торговой братии взашей. После чего встал перед нашей эксперт-криминалисткой и вопросительно выгнул бровь.

– Ладно уж, покуда дело не закроем, друг на дружку голос не поднимать, – мрачно согласилась она.

Я изогнул другую бровь, дав предыдущей расслабиться.

– Расколдую обоих, а тока нечего было им… – буркнула бабка, достала с полки глиняную баночку, выудила оттуда горсть голубоватого порошка и не глядя сыпанула под стрелецкую шапку. Надо приметить эту баночку, сообразил я, вдруг самому придётся расколдовывать в отсутствие Яги. Мгновением позже на столе в обнимку сидели Митя и Фома.

Еремеев ушёл молча, перекрестился сначала, поклон поясной отвесил, а потом уж бросился вон так, что едва дверь не вынес. Митька только чихнул и остался, он у нас к превращениям привычный – и щенком был, и петухом, и теперь вот лягушкой. Разве что в инфузорию его пока не превращали, и то лишь потому, что наша старушка и слова-то такого не знает.

* * *

Обедали все дружно, за одним столом. Особых разговоров не вели, шуток и подколок избегали, держались негласно избранной английской линии поведения. Разговорились лишь за чаем, но ОЧЕНЬ осторожно…

– Я так кумекаю, прав ты, Никитушка, – отодвигая от Олёны земляничное варенье, начала Баба-яга. – Не след нам шумиху поднимать, дело заводить, покуда я самолично на энтот труп не налюбуюся.

– А мне, сироте, как водится, служба грозная да опасная, – торжественно приподнялся Митенька, мизинцем левой руки быстро перемещая плошку с вареньем на свою территорию. – Небось ить опять в кабак пошлёте, купцов заезжих слушать, работничков ихних спаивать, на рогах до дому ползти информации секретной ради? Так согласный я!

– Сначала нас с бабушкой на Гостиный двор отвезёшь, – сухо напомнил я, легко уводя от него варенье. – Если что понадобится – подождёшь у входа.

– Но ить в кабак и впрямь надо, – с тоской провожая взглядом уже недостижимую плошку, заметила Яга. – Пущай уж сходит мальчонка, а супротив искушения алкогольного я ему прямолинейно посодействую.

В ту минуту варенье начало само перемещаться в бабкину сторону и убежало бы, не перехвати его Олёна ложкой.

– А мне что делать доверите? – скромно спросила она. – Я без дела сидеть непривычная.

– Да вот хоть Назимушке по хозяйству поможешь. Полы отскоблить, за скотиной убрать, бельё перестирать, горшки перемыть, двор подмести, печь побелить, забор покрасить, трубу прочистить, мало ли забот!

– А как управлюсь…

– …можешь ехать на бал, – тупо кивнул я. – Платье и хрустальные туфельки тебе выдаст добрая фея в лице кота Васьки. Прости, любимая, но купцы Анисимовы указали на тебя как на главную подозреваемую. Давай ты пока действительно не будешь покидать отделение.

– Это я под арестом, что ли? – капризно надула губки моя невеста. И сделала это очаровательно! Но Ягу всё равно не проняло.

– Уж не взыщи, милая, а тока сидеть тебе дома до результатов следствия. Хоть и имей в виду, я тя виноватою нипочём не считаю! Даже ежели и впрямь ты возницу этого ухайдакала… Одним мужиком меньше – невелика потеря! Так-то вот.

– Бабуль, вы чего?! – вытаращились мы с Митей.

– А из-за женской солидарности!

Ну если наша эксперт-криминалистка знает такие слова и идёт с таких козырей, то крыть нечем. Остаётся командовать:

– Опергруппа, на выезд!

Митя, резво вскочив на ноги, подхватил бабку под мышку и с самым решительным выражением лица ринулся из горницы. Стрельцы храбро догадались распахнуть ворота – бабкин визг и матюги стихли быстро, примерно со скоростью Митькиного бега.

Я, как капитан, покидающий судно последним, неторопливо встал из-за стола, собрал бумаги в планшетку и только у самых дверей обернулся к Олёне:

– Ты ведь здесь ни при чём?

– Многие видели, как он рядом шёл, да не более, – уже гораздо строже ответила Олёна. – Руки он разок распустить попробовал, да потом до вечера раскорячкой ходил, на меня дружкам жалился. Дескать, хоть и красива девка, да глупа и достоинство мужское коленом ушибила. А ты что, им поверить готов?!

– Я тебе верю. – Мне удалось только обнять её на прощанье. – Прости, родная! Долг зовёт, такая служба.

– Да уж знаю… Возвращайся побыстрей! А я домом займусь, чтобы вашей бабушке по сердцу прийтись.

– Ты у меня чудо! – уже из сеней крикнул я. – Назим, прими всё к сведению, укажи задачу, проконтролируй, ну и всё такое… Да, узнаю, что моей невесте глазки строил, на пятнадцать суток упеку!

– Э-э, падумаешь… – презрительно раздалось из-под печки.

Я не поленился вернуться и добить:

– Расскажу Яге!

– Щуток не панимаэшь, да?! – явно перепугался он. Психология – знаем, чем кого достать, опыт есть…

Дежурные стрельцы у ворот доложили, что Еремеев направился домой, на службу выйдет утром, не раньше, травма у него душевная. Даже убегая,

подпрыгивал по-лягушачьи – жуткое зрелище! Ладно, перед Фомой извинюсь, да Яга бы и сама извинилась, если бы он подождал пару минут, а не рванул с места на третьей крейсерской. Бабка у нас порядочная, виновата – извинится, не примешь извинения – тебе же хуже.

– Ты сам-то куда, сыскной воевода, может, охрана нужна?

– Да, в общем, нет… На Гостиный двор пройдусь, думаю, наши уже там.

По сути, Яге на экспертизу надо не более получаса, если пойду неторопливо, как раз успею к окончанию. Погода хорошая, вечер близко, народ сворачивает торговлю и работу, на улицах тихо и уютно…

Да, прижился я здесь. Москва, конечно, до сих пор периодически снится, но тоски нет. Ничего я не потерял, переселившись волей неизвестных сил в это сказочно-лубочное государство. Как-то спокойнее здесь… Нет, честно! Преступности хватает, жизнью и погонами рискуем ежедневно (один Кощей чего стоит), но… душа на месте! Именно на месте, иначе не скажешь!

Здесь всё русское, родное, исконное, своё. И все живут одной семьёй, отделением, слободой, городом, без разницы. Шмулинсон, Кнут Гамсунович, домовой Назим, торговец Кирокосьянц, Лидия Адольфина, Яга, Митя, дьяк, царь, я – мы все лукошкинцы. Это так… правильно, что ли?! Правильно. Не должно быть по-другому. На моём участке. Поэтому назад не хочу. Всё моё здесь, и настоящее, и будущее в лице Олёны, она теперь тоже – наша.

До Гостиного дошёл быстро, как-то задумался и забыл, что спешки нет. По пути ещё раз пять успел выслушать «ужо прими на свадьбу в подарок, да не побрезгуй, отец родной, батюшка участковый!». Благо что непосредственно сейчас никто ничего всучить не пытался, ограничивались обещаниями. Моего младшего сотрудника не застал, но, судя по тому, что в сторону квартала питейных заведений ещё не улеглась пыль, промчался он здесь недавно, не более двух минут назад…

Бабу-ягу тоже нашёл быстро. Мальчишки, помогающие конюхам, указали, где склады братьев Анисимовых. Дальше проще, двое сумрачных молодцов, глянув на мою форму, безропотно уступили дорогу и сопроводили в один из сараев. Там на деревянной скамье, под простой холстиной лежало

вытянувшееся тело. Наша эксперт-криминалистка в глубокой задумчивости почёсывала бородавку на подбородке. Хороший признак – причина смерти найдена, и одновременно плохой признак – дело нешуточное.

– Заходи, Никитушка, – вяло приветствовала меня она. – Недолго нам с тобою тут быть, нашла я разгадку-то.

– Понятно. Что записывать?

– Пиши так… Возница Брыкин и впрямь нехорошей смертью помер – всю жизнь из него одним поцелуем высосали.

– Поцелуем?! – не понял я.

– Им самым, – не особо вдаваясь в объяснения, продолжила бабка. – Потому и ран на теле нет, и само тело ровно пушинка, не весит почитай ничего. Сам попробуй…

Я автоматически сунул руку под поясницу покойного и едва не ахнул – труп весил не более килограмма! Ей-богу, не вру! Вот умом понимаю, что в любом случае кости, мясо и всё такое… в любом случае тело умершего не должно быть таким необъяснимо лёгким.

– Это же против всех законов природы!

– Именно что природы, – поджав губки, согласилась Яга. – Нехорошее дело с ним сотворили, Никитушка, и уж поверь мне, старой, даже я о таком злодействе бесчинном отродясь ничего не слыхала. Не наше оно.

Я откинул холстину и посмотрел в лицо усопшего. Оно было благообразно-улыбчивым, что пугало ещё больше. Выходит, гражданину Брыкину нравилась собственная смерть или, точнее говоря, сам процесс расставания с жизнью. Как такое может быть?

– Ваше мнение?

– Ну не Олёнка твоя, это уж точно. У ней ни сил, ни мощи колдовской, ни знаний богопротивных нету, – всерьёз призадумалась честь и гордость нашего отделения. – Поди, кто иной с обозом шёл, личиной человеческой прикрываючись. Может, мужик, а может, и девка, про то не ведаю. Но всем нутром чую, ох и добавит нам энто дело боли на всю голову.

– Кощея подозреваете?

– Его завсегда подозревать не грех. А только наверняка ужо не поручусь, он-то обычно чего попроще выдумывает.

Вот в общем-то и все результаты предварительной экспертизы. Допрашивать волос, зуб или ещё какую часть покойника Баба-яга категорически отказалась – слишком неестественная смерть, чтобы так легко разрешить задачу. Хорошо, мы не ищем лёгких путей. Пойдём самым сложным, впрочем, как и всегда…

С Гостиного двора возвращались, как в лучшие времена – под ручку. Бабка ещё предупредила охранников, что возницу можно хоронить, дальше держать его в сарае ни смысла, ни повода нет. По дороге ни о чём особенном не говорили. Я разве что коснулся темы своего утреннего визита к царю, уточнил, передал ли молодой дьячок записку. Оказалось, передал, куда он денется, за то и ватрушку стребовал. Но, раскинув карты, бабуля сочла, что ничего фатального нам не грозит, сами выкрутимся, вот и не суетилась. Может, и врала – какая разница, выкрутились же?!

– Вечереет, Никитушка, не заглянуть ли нам в кабак следственного интересу ради? – как будто бы невзначай предложила Яга.

– Хорошая мысль, заодно и Митьку заберём, – подумав, согласился я. Дураку понятно, что сразу домой старушка идти не хочет, потому что там вовсю хозяйничает другая. Прямо комплекс свекрови, на всё лицо. Тогда уж действительно лучше сначала в кабак.

Их у нас несколько, в зависимости от сервиса, кошелька и статуса посетителей. Наш младший сотрудник мог направиться только в один, традиционно посещаемый возчиками, конюхами и мелкой шушерой, вечно толкущейся у Гостиного двора. Местечко умеренно-криминальное, я сюда пару раз заглядывал, хозяин вёл правильную политику взаимодействия с органами

правопорядка, соответственно и мы закрывали глаза на мелочи типа недолива, разбавления, обвеса или обсчёта нетрезвой клиентуры. По крайней мере, драк, грабежа и убийств здесь не допускалось никогда. Уже немало, согласитесь…

Митю обнаружили почти сразу, наш увалень сидел мрачней тучи, очень похожий на маленького ребёнка, вусмерть обиженного детсадовским Дедом Морозом с фальшивой бородой. Знаете, приходят такие, обещают едва ли не настоящий танк за прочитанный стишок с табуреточки, а в результате суют засохший чупа-чупс…

– Чего один сидишь? – Мы без приглашения разместились за тем же столом на отполированной задницами скамье.

– Будешь тут один…

– Выяснить что-нибудь удалось?

– Да уж, выяснишь тут…

– Митя, в чём проблема?

– Это вы меня спрашиваете?! – уже в голос возопил он, поднимая на бабку полные слёз глаза. – Энто вы вон у неё спрашивайте! У экспертизы нашей бессменной, хранительницы чести милицейской и морального облику блюстительницы! Её заботами от меня весь честной народ шарахается!

Баба-яга пальчиком поманила официанта (по-здешнему полового).

– Чего изволите-с, бабушка?

– Ты говори, да не заговаривайся! – пристукнув костяной ногой, рявкнула бабка. – Кому, может, и бабушка, а тебе – милицейский сотрудник. А ну подать сюда хозяина, три рюмки водки разной и на закуску чего всякого, сам сообразишь небось.

– Прощенья-с, просим-с! Не признал-с, туп-с и глуп-с! Сей момент всё будет, как велено-с!

Половой крылато с разворотом унёсся на кухню, а мой младший сотрудник, едва не рыдая, расписывал мне, скольких полезных информаторов он упустил только из-за того, что возможности пить лишён напрочь! И всё это благодаря заботе своих же старших товарищей.

– Ваша работа? – шёпотом поинтересовался я.

– А то чья же, Никитушка, – не поднимая глаз, ответила наша специалистка по заговорам и колдовству. – Каюся, переборщила чуток, колданула, покуда мы до двора Гостиного мчалися. Я ить хотела, чтоб он не напивался погонами в лужу, свиней пузырями веселя, а пил умеренно…

– Никита Иваныч, будьте судьёй праведным! – возопил всё слышащий Митяй, нагло цапнул с соседнего стола рюмку водки и демонстративно поднёс ко рту. Рука делала самые замысловатые движения, абсолютно не сообразуясь с волей хозяина и тщательно обходя причмокивающие Митькины губы, после чего аккуратно вернула рюмку откуда взяла.

Мой напарник рукавом смахнул слезу и уставился на меня – ну, каково?

– Представляю, как тут от него народ шарахается, – сухо намекнул я Яге. Такая клоунада у нас в России может вызвать разве что сострадание или раздражение, но никак не желание сотрудничать с органами.

– Да, я лишку хватила, – спокойно огрызнулась бабка. – А какого ж он меня на старости лет на своём горбу через всё Лукошкино гузном кверху вёз?! Мне ить тоже небось обидно…

– Пожмите руки и помиритесь, перед людьми неудобно.

Яга и Митька, не глядя друг на дружку, хлопнулись ладонями.

– Где возчики с Гостиного?

– Вон там-с, кушают-с, – на ходу откликнулся половой, кивком головы указывая на тесную группу из десяти крепких мужиков.

– Митя, фас! Бабуля, расколдуйте…

Через пару минут компания охотно приняла в свои ряды начинающего психолога с мудрёными тестами и двумя пятилитровыми бутылями сорокаградусной на кедровых орешках. Дело он знает, справится.

* * *

– Какие дорогие гости к нам пожаловали! Позволите ли? – К нашему столу подсел хозяин заведения гражданин Грымов. Хороший дядька, и деловой, и без нахрапа. – Вы к нам по делу али просто по-соседски?

– Скорее по-соседски, – ответил я, пока нам быстренько стелили чистую скатерть, ставили закуски и мутные стопки. – Еремеев докладывал, у вас тут бандитские разборки на неделе пытались провести?

– Было такое, налетали соколы залётные, – качнул бородой хозяин. – Да тока мы в казну налоги исправно платим, вот и стрельцы твои милицейские вовремя прибыли, не дали в обиду. Уж позвольте вас за то хоть ужином попотчевать. А может, и другим чем…

– Чем именно?

– Да уж не первый год на свете живу, Никита Иванович. Знаю небось, что сам сыскной воевода с парнем своим да Ягой уважаемою просто так в наши угодья и не заглянет. Брыкиным, поди, интересуетесь.

Мы с бабулей переглянулись и промолчали.

– Да о нём тут весь день народец нетрезвый судачит. Тока и разговоров о том, что анисимовский возница дурной смертью помер, а виновна во всём девка приблудная, чернявая. У них вроде прямо любовь была…

Я покраснел и уже начал приподниматься, но твёрдая рука Яги утянула меня за ремень на место. Да чего это я в самом деле веду себя как мальчишка!

– Продолжайте, гражданин.

– А чего продолжать, другого-то и не ведаю, – с сожалением пожал плечами хозяин. – Да вы кушайте, кушайте! Ох и тяжела ваша доля милицейская… Весь город гудит, что у сыскного воеводы свадьба на носу, а тут новые преступления. Суженая-то ваша тоже сегодня приехала?

– Угу, – осторожно кивнул я.

– Ну дык ежели столы у нас накрыть пожелаете – за великую честь почту! Уж не побрезгуйте. – Он сам с вежливостью наполнил нам рюмки и провозгласил: – Ну, дай вам Бог! Ещё повезло, что с невестой ничего не случилося, ей ведь в том же обозе ехать довелось? Говорят, молода она у тебя, красива, бровями да волосом черна и фигурою вся… такая… Ох ты ж, грехи наши тяжкие, не может быть? Нешто… она?!!

Мы с Ягой молча поставили невыпитые стопки на стол. Хозяин вытаращился на нас с очень нехорошими подозрениями, и я почувствовал, что мир рушится – наутро о причастности Олёны к убийству Брыкина будет знать всё Лукошкино. На карьере, работе и браке можно ставить жирный крест, всё летит коту под хвост…

– Вот те крест, Никита Иванович, я – могила… – выразительно осенил себя крестным знамением гражданин Грымов. – Чтоб у меня борода отсохла, ежели кому хоть намёком, хоть полсловечка…

– Будь по-твоему, – столь же многозначительно ответила за меня бабка. – Благодарствуем, что посидел с нами, беседой развлёк, дальше и держать не смеем. А мы уж сами долго не задержимся, служба продыху не знает.

– Помогай вам Господь!

– И на том спасибо, а ты о словах-то своих не забывай. А я о них ой как помнить буду…

– Бабуль, надеюсь, вы ему ничего нигде не позаколдовывали? – нервно прокашлялся я, когда, чуть побледнев, хозяин кабака вернулся к себе за стойку.

– Растреплет он, Никитушка…

– Да, ситуация не очень красивая. Но и раньше времени в панику впадать тоже не будем. Угощаемся, даром, что ли, всё тут поставлено. Митька работает?

От стола заезжих возниц слышался хохот, мат, народные песни и непривычные для данного заведения термины: «психоанализ», «интерфейс», «креативный уровень» и «точняком, холерический типаж, чтоб мне опухнуть!» Значит, работает.

– Ну что, мы домой?

– Чей-то тревожно мне, Никитушка, – раздумчиво протянула лучший специалист нашего отделения (я без иронии!). – Душа не на месте и внутрях тянет эдак с жжением… Нет, не из-за Олёнки твоей, тут я погорячилась, признаю… Но извинениев приносить не буду! Всё одно мой терем, мои порядки! А она первая начала – мол, где веник, может, вам подмести чего?! Ровно у меня свинарник в доме али Назимка плохо свою работу блюдёт! Простите вы меня, дуру старую…

– Да бросьте. – Я с трудом унял дрожь в голосе. – Мелкое недоразумение, справимся, не в первый раз. Или вы из-за преступления этого? Так ясно же, что она здесь ни при чём.

– Кому ясно? – неожиданно нахохлилась бабка. – Мне неясно. Хозяину кабака вон тоже неясно. И купцам Анисимовым, и возчикам простым, никому не ясно, тока тебе!

– Но…

– Приставал он к ней всю дорогу, вот что доказательств не требует и всеми свидетелями подтверждается! Уж как она сама себя вела, про то не ведаю. Пущай даже в сохранности себя доставила, а людям-то в плохое верить легче… Заарестовал бы ты её, сокол ясный, от греха подальше. Ить, не ровён час, до царя слухи дойдут!

– И что?! – в свою очередь завёлся я. – Горох нас не выдаст, ещё и царица поддержит!

– То-то и оно, Никитушка, – совсем потерянным голосом откликнулась Яга. – И царь тебя прикроет, и матушка государыня, и стрельцы еремеевские, и друзья твои верные… А только что ж с того получится? Значит, невеста сыскного воеводы может любой грех сотворить и нет над ней суда? Так, что ли?!

Я молча опрокинул рюмку анисовой, поперхнулся, кое-как выровнял дыхание и встал. Пора. Бабка, вздохнув, поднялась следом. На Митьку мы и не смотрели, понятно, что он задержится здесь минимум до полуночи. Когда выходили из дверей, сзади раздался дикий мужской вопль. Мы обернулись – кричал хозяин кабака гражданин Грымов, позорно сияя гладким белёным подбородком и розовенькими щеками. Руками он потерянно сжимал некогда роскошную «отсохшую» бороду. Комментировать что-либо уже абсолютно не хотелось…

Впрочем, комментарии нам пригодились, когда мы неторопливо дотопали до родного отделения. Десять ночи, люди спят уже, а у нас иллюминация во весь двор и кипит всё, как на молдавской стройке. Стрельцы, без кафтанов и сапог, в штанах да рубахах, взад-вперёд с вёдрами носятся, территорию метут, баню топят, дрова рубят, крыльцо красят, трубу печную белят – у всех руки заняты! За исключением шестерых молодцов в полной форме, с пищалями и раздутыми фитилями, осуществляющих самую бдительную охрану объекта. Фомы на них нет…

– Здрав буди, сыскной воевода и бабушка твоя экспертизная! – дружно гаркнули бородачи, при виде нас в воротах дружно становясь в строй.

Я козырнул. Яга кокетливо кивнула, ей всегда приятно мужское внимание. Однако исподтишка, пытливым взглядом бабка щепетильно отметила наведенный к нашему приходу порядок.

– Все, кроме часовых, свободны! – громко оповестил я. – Передайте Еремееву, чтоб завтра был непременно. И… это… благодарю за внеурочный субботник!

– Рады стараться, батюшка участковый, – хором ответили все и бегом бросились по домам.

– Да уж, раскомандовалась бесовка твоя, – хмыкнула себе под нос наша бодрая старушка, входя в чисто прибранные сени. Придраться было не к чему, даже Митина лавка застлана чистым половичком, подушки уложены церковной маковкой, край лоскутного одеяла призывно откинут, и из-под него выглядывает соломенный зайчик. Умиление, да и только…

– Ежели она мне ещё и печь ромашками размалевала – как есть прибью!

Нет, печь была свежевыбелена и девственно чиста. Васька намывал лапкой гостей, горница сияла чистотой, на столе ждал накрытый рушниками ужин, выбритый до синевы Назим лучился улыбкой в уголке. Моя невеста, в новом сарафане, приветствовала нас поясным поклоном.

– Здравствуй, здравствуй, хозяюшка, – поджала губки наша эксперт-криминалистка по всем вопросам. – Вижу, ладно у тебя всё устроилось, аж глаза слепит.

– Хозяйка здесь вы, – скромно опустила очи Олёна. Один-ноль в её пользу!

Бабка медленно прошлась туда-сюда, пристально выискивая недометённые пылинки.

– А кота покормить забыла небось?

Василий гордо выпятил сытое пузо. Два-ноль!

– Ну что ж, Назимушка, чем сегодня потчевать будешь? Уж носом чую,
как пироги ароматственно пахнут.

– Она гатовила, – честно признался наш азербайджанский домовой. Три-ноль!

Яга с честью выдержала удар, покачала головой и, не притронувшись ни к чему, направилась к себе в комнатку. Тихо прикрыла дверь.

Победа разом превратилась в поражение.

– Не угодила я ей. – Вздохнув, моя невеста опустилась на краешек скамьи. Я присел рядом, нежно приобнимая её за плечи.

– В том и проблема, что угодила. Бывает… Не переживай, всё устроится. У нас с тобой, к сожалению, есть другие, более серьёзные проблемы, чем временный микроклимат сотрудников нашего отделения.

Олёна удивлённо вскинула брови, и я добрых минут десять расписывал ей, что нам удалось выяснить в кабаке Грымова. Кстати, припомнил, как у последнего отпала борода. Бывшая раба Кощея, отданная ему в услужение ещё в детстве и успешно спасённая нами, раздумывала недолго:

– Счастье моё, суженый мой, вот только ещё хоть раз намекни, что у меня в обозе хоть с кем-то любовь была, и я сама от тебя уйду!

– Но…

– Не один Брыкин Колька ко мне под бок тулиться пробовал, не один он потом синяки от товарищей прятал. Уж коли сказала, что люблю и жизни своей без тебя, дурака, не мыслю, то на другого и взглянуть не могу. Не нужен мне никто, кроме тебя!

– Родная, я всё понимаю, но и ты пойми…

– Я буду стараться никуда не выходить.

– Что значит – будешь?

– Ну то и значит.

– Ты выходила сегодня из дома?!

– Но ты не говорил, что нельзя! Я только на базар и пробежалась, прикупила, чего надо к столу, не больше часу и отсутствовала… Да что ж там могло произойти-то?!

– Милая, – тяжело вздохнул я. – Очень на это надеюсь. Но поверь, если слух о твоей причастности к смерти того парня хоть как-то пойдёт по Лукошкину, на тебя начнут вешать всех собак, и мне просто придётся снять погоны. Невеста участкового должна быть вне всяких подозрений! А я от тебя не откажусь никогда…

– За что и люблю тебя, мой храбрый сыскной воевода, – тихо прошептала Олёна и потянулась ко мне губами.

За мгновение до того, как мы почти поцеловались, в дверь вломился пьяный в гавань Митя. Его канонические тексты остаются незыблемыми на все времена, при любой ситуации, времени года и политическом строе…

– Бат-тюшка… Н-к-та Иван-ч! Отец род-н-ной! Всё чё мог выяснил… Там тако-о-е… Но про всё завтра… а щас тс-с-с!.. Никому! Чтоб меня… упс!

«Упс!» можно было бы смело заменить на «блямс!» или «бумс!» или ещё какой-нибудь звук, похожий на удар непробиваемого русского лба об несгибаемую половицу. Хорошо полы у бабки в тереме дубовые и, как Митька ни старался, проломить ни одну досочку ему до сих пор так и не удалось. Хотя вам ли не знать, сколько попыток было…

– Он у вас… всегда так?

– Пьёт? Нет, что ты, родная, как можно, он же сотрудник милиции! Только когда на задании…

– А-а-а… И часто его так, на задания?

– Ну-у… Митя бы предпочёл чаще. Поможешь?

В четыре руки мы с великим трудом (Васька и Назим испарились, не дозовёшься!) кое-как вернули «рыцаря плаща и кинжала» в сени и уложили на скамью. Богатырский храп нашего младшего сотрудника заставлял испуганно подпрыгивать мусорное ведёрко в углу.

– Вообще-то мне завтра рано вставать, надо написать докладную царю о новом деле. Ты ложишься?

– В каком смысле? – не поняла Олёна.

– Э-э… в таком… – соответственно не сразу нашёлся я. – Моя комната наверху, кровать ты найдёшь, а я буду буквально через…

– А ты будешь ночевать здесь!

– В каком смысле?! – теперь уже не понял я. – Мы же женимся, милая…

– Но ещё не женились! Вот после венца… – выдохнула моя невеста так многозначительно, что я затрепетал. – После венца я тебя месяц на работу не выпущу, а пока… Прости, любимый, но я – в твоей комнате, ты – внизу, с котом и домовым. Так принято.

– Но…

– После венчания я вся твоя! Иди, чмокну в щёчку – и спать.

Усё. Полный облом по всем параметрам. Я уже жаловался, что день не задался с самого утра? Так вот, он и заканчивался хуже некуда…

* * *

И самое главное, что это была не та ситуация, когда я мог бы хоть чем-то справедливо возмущаться. Более того, согласись она сейчас пройти вместе со мной в мою комнату, наутро её с позором вытряхнули бы и Яга, и Васька, и Назим, и даже Митя вложил бы свою лепту, скорбно удерживая меня от скоропалительной женитьбы на такой «поспешливой» особе. Не Москва… крыть нечем. Приходится идти на поводу у домостроевских заблуждений, хотя, должен признать, в конечном итоге это в моих личных интересах.

Васька нагло занял всю скамью, и его пришлось силой перекладывать на печь. Назим ушёл к себе в подполье, но гарантирую, утром он встанет раньше всех,

уберёт со стола практически нетронутый ужин и обеспечит опергруппе свежий завтрак. Кое-как вытягиваясь на узкой скамье, я ещё успел подумать, что одна радость во всём этом по-любому есть – завтра меня не будет будить петух. То есть будет будить, но не меня. После чего мгновенно провалился в сон и спал без задних ног, как и положено честному милиционеру…

Утром меня разбудил петух! Громогласное, резкое, диссонирующее кукареканье раздалось едва ли не над самым ухом и практически скинуло меня с лавки. Я только и успел заметить, как этот пернатый гад скрывается в сенях, а с печки половичком сползает глухой на оба уха бабкин кот. Это была месть ему, не мне, меня, так сказать, задело вскользь, рикошетом. То есть ещё повезло.

Оказывается, Олёна, отправившись ни свет ни заря к нашему колодцу за свежей водой, неплотно прикрыла дверь, что позволило петуху безнаказанно совершить свой террористический акт. Ладно, мы с Васькой обменялись мстительно-понимающими взглядами – придёт наш час, сочтёмся, ему недолго осталось…

Баба-яга вышла к завтраку прямая, как шпилька, и подчёркнуто-вежливая, как присяжный заседатель. Блины с икрой слегка похвалила, но съела половинку, чаю выпила полчашечки без варенья, без сладостей, безо всего. И причина была не в плохом настроении – наша эксперт-криминалистка явно о чём-то упорно думала, но не находила правильного ответа. Поэтому, когда Назим бесшумно убрал со стола, я молча раскрыл планшетку и сел напротив Яги. Моя невеста деликатно отправилась ко мне (пардон, к себе!) наверх.

– Пиши, Никитушка, – напряжённо начала бабка, скрестив ручки на груди. – Помер Николай Брыкин смертью противоестественной, от причин невыясненных. Вина бывшей бесовки твоей в той смерти не доказана. И не потому, что не могла, а потому как ежели и могла, так даже мне непонятно как! Вот оно, высказалася…

– Так вас это напрягает? – на минутку оторвался я. – То есть убила его не Олёна, однозначно, но вы хоть можете чётко классифицировать причину смерти или нет?

– Отчего же не могу, причину-то могу, легко! Жизнь из него высосали прямиком через губы, одним поцелуем, без причмока, – подбоченясь, вскинулась Яга. – И с поводом у меня проблем нет – я те их хоть сто назову, зачем молодой парень

на ночь глядя во чисто поле попёрся! А вот тока как именно такое колдовство смертельное изобресть можно было и ктой-то у нас на крещёной Руси подобным богохульством мается – того-то и не ведаю!

– Понятно.

– И не напрягает меня энто, а бесит! Даже вона в озноб бросает. Потому как не наше оно… Не Кощеево, не шамаханское, не честным путём рождённое, а отколь взялось да зачем к нам пришло – даже думать опасаюся…

– Страшнее Карги-Гордыни?

– Не ведаю… В том-то вся и беда. Ничегошеньки мы с тобой сейчас поделать не можем, покуда следующая смертушка не аукнется.

– Неоптимистично звучит, – поморщился я. – Давайте хоть Митьку разбудим, может, он чего полезного разнюхал.

– Охти ж мне, совсем загоняем мальчонку, – привычно всплеснула руками моя домохозяйка. – И так уж, поди, трудится без сна без продыху, ест в сенях, спит на лавке, в выходные работает, уж и не знаю, как маменьке его любезной Марфе Петровне при встрече в глаза принципиальные смотреть буду…

Это всё разговоры, причём исключительно на публику. Самого Митю бабка держит в ежовых рукавицах, и оно себя оправдывает. По крайней мере, тётка Матрёна (классовый враг нашего младшего сотрудника) уже две недели на него не жаловалась. Дежурные стрельцы доложили, что у ворот толокся дьяк, непрозрачно намекал на какой-то должок. Скорее всего, речь о компенсации вчерашней самогонки, но ведь пили-то все, чего ж он с одного меня пытается затраты окупить? Хотя по логике вещей с царственной четы разве что пряник получишь, а на немецкого посла он давить боится – господин Шпицрутенберг на расправу крут. Да и немцы у себя в слободе не спрашивают паспорт или гражданство – одет неопрятно, не умыт, не расчёсан, лапти за три метра не блестят – пороть!

– Никитушка, глянькось в оконце, – прервала мои мысли Яга. – Кажись, твой Кнут Плёткович заявился! Грех на мне, не люблю я этих немцев – ножки тонкие, ряхи красные, а пузо пивное так и висит… Да и пахнут не по-нашему – не хлебом

ржаным и молоком, а шнапсом с сосисками! Тьфу ты, сам с ним разговоры веди, а я в уголке отсижуся.

– Но он же посол всё-таки, хоть чаем угостить надо, неудобно…

– Кому неудобно, мне?! Я вона как удобственно у печки тёплой присела, а чаю твоему послу пущай вон хоть Олёнка подаст… А Назимушку моего и тревожить по таким пустякам не моги!

– Кнут Гамсунович, кого я вижу?! Заходите, – тепло приветствовал я пожилого, тощего немца, с поклоном входящего в горницу. Что бы ни говорила о нём глава экспертного отдела, мы с гражданином Шпицрутенбергом старые друзья, ещё с дела о заговоре Чёрной Мессы. И потом не раз немецкий посол своей законопослушностью и верностью долгу только закреплял наши дружеские отношения. Опять же кофе он нам поставлял весьма приличный. Пусть, кроме меня, его и не пил никто, но кофе всё равно был хорош!

– Рад приветствовать, герр Ивашов. – Немец крепко пожал мою руку. – И вам моё искреннее уважение, фрау Яга! Ваша гроссмутер уникальна в своих талантах, и я был бы счастлив вручить ей небольшой презент…

– Что большой-то? – чуть ворчливо, но заинтересованно подняла ушко моя домохозяйка.

Посол сунул руку за пазуху и вытащил чашку мейсенского фарфора. Такую тонкую и изящную, что казалось, сквозь неё можно было смотреть во двор. Золотой ободочек, голубая роспись цветочками и плюс звонкое блюдечко в пару. Бабка сомлела на глазах…

– Спасибо, Кнут Гамсунович, присаживайтесь. – Я поспешил усадить посла за стол. – Подарки всегда приятны, но вы ведь редко заходите в гости просто так. Что-то случилось?

– Данке шён, – машинально откликнулся он, опускаясь на скамью. – Право, даже не знаю, как начать… Русская полиция не обязана расследовать проблемы суверенной Немецкой слободы, но… тем не менее… мне хотелось бы верить, что если мы как честные немцы платим налоги, то… Гутен морген, фрейлейн!

– Гутен таг. – Из моей комнатки сверху бесшумно спустилась Олёна. – Не откажите в любезности чаю с нами откушать. А уж сыскной воевода и сотрудница его главная вам советом помогут. Мало ли какие беды у кого возникнуть могут, затем и участковый у государя на жалованье состоит.

Браво! Бинго! Чистый страйк! Моя умничка умудрилась разом польстить Яге, послу, мне и самому Гороху одновременно. Кнут Гамсунович сразу расслабился и охотно принял чашку чаю. Наша ведущая эксперт-криминалистка мигом уселась к нему под бочок и затребовала налить себе в новую чашку. Назим только успевал подавать плюшки, варенье и пахлаву…

Через десять минут наш гость окончательно расслабился и поведал истинную причину своего визита. Оказывается, этой ночью неизвестные лица самым неподобающим образом осквернили Немецкую слободу. Ей-богу, он подобрал именно это слово – «осквернили», и, подумав, я был вынужден с ним согласиться.

Немцы славились чистотой и порядком. Так вот представьте их удивление, ужас и негодование, когда рано утром, проснувшись, поселенцы обнаружили улицы и домишки родной слободы заляпанными комьями свиного навоза! И эта дурно пахнущая дрянь была везде – на пороге покоев посла, на стенах пекарни, жилых помещений и даже (Яга невольно перекрестилась) на стенах кирхи! Кнут Гамсунович, разумеется, дал приказ всё отмыть, но сам факт подобного вандализма вызывал очень серьёзные опасения.

– Так, запишем это как акт группового хулиганства. Подозреваемые имеются?

– Найн, герр Ивашов, – сконфуженно покачал головой наш немецкий друг. – У вас очень хорошая страна, большой город, и русские люди весьма доброжелательны к честным иностранцам. У нас никогда не было проблем с местным населением. Кроме, может быть…

– Говорите, – насторожились мы с бабкой. – Сейчас важна любая мелочь.

– Соседские мальчишки иногда кричат через забор: «Немец-перец-колбаса, на носу сидит оса!» Это… бывает очень обидно, потому что не соответствует действительности. Лично я ещё ни разу не видел ни одного законопослушного немца с осой на носу! Этих детей было некому пороть! Я-я!

– Ладно, отработаем и эту версию, – с трудом пряча улыбку, кивнул я. – К царю не обращались?

– Это было бы недостойно представителя великой державы! – гордо привстал посол. – Как глава местной полиции вы всё узнали первым. И только если это не повредит интересам следствия, я бы поставил его величество в известность. Но лишь затем, чтобы он поручил это дело вам. Позволите откланяться?

– Позволим, позволим, гость немецкий, – так же приподнявшись из-за стола, ответила наша домохозяйка. – Да тока надолго прощаться не будем. Есть у меня мыслишка с экспертизой к вам в слободу наведаться…

– Яволь! Мною будут отданы соответствующие распоряжения.

Мы церемонно пожали руки. Олёна с поклонами проводила посла в сени.
Я оглянулся на Ягу, бабка тихо присвистнула сквозь зубы и сделала мне знак глянуть в окно…

* * *

Мать моя милиция, папа Уголовный кодекс и пелёнки серые с погонами! У ворот отделения толпилась здоровущая очередь местных жителей, беспорядочно размахивающих свеженаписанными заявлениями. Это предмет моей профессиональной гордости, не очередь, разумеется, а нововведённое и постепенно утвердившееся правило: хочешь, чтоб твоё дело было рассмотрено быстрее, приноси письменное заявление, составленное по всей форме. Дьяки и писари на меня просто молились, я им стабильный хлеб обеспечивал на весь год. Даже Филимон Митрофанович на этом тайком подрабатывал, хотя своё недовольство органами вечно тыкал в нос каждому, как музейное знамя Октябрьской революции! Ой, чего-то я не в ту сторону уклонился…

– Батюшка сыскной воевода, там народ пришёл. – В горницу сунулись дежурные стрельцы. – Прикажете пущать по одному али просто бумаги ихние к сведению принять?

– Минуточку… Митя спит?

– Недобудимо! – подтвердили бородачи, на минутку обернувшись в сени.

– Тогда просто соберите заявления у граждан, передайте, что каждое будет внимательнейше рассмотрено, о результатах мы сообщим сами. Не забудьте извиниться, что не приняли лично, – у нас тут «государево дело»…

Стрельцы понятливо кивнули. В последнее время я частенько злоупотреблял этой магической формулировкой «государево дело» – хотелось, знаете ли, иногда отдохнуть и элементарно выспаться. Но народ всё ещё верил, и я точно знал, что до послезавтра ни одна, даже самая скандальная, тётка не припрётся разбираться, почему её иску против соседки-стервы до сих пор не дан законный ход с судом и сибирской каторгою али плахой в качестве приговора!

– И Еремеева сразу ко мне, как только явится.

– Слушаемся, батюшка сыскной воевода! Странно, что его вообще до сих пор нет.

Фома – начальник всей стрелецкой сотни при отделении, он расставляет посты, определяет график дежурств, назначает часовых, следит за порядком в городе, на нём в целом очень много чего держится. Он человек дисциплины и слова, но чтоб так опаздывать на службу…

– Бабуль, поднимайте Митю. Любым способом. Что-то не то начинает твориться у нас в Лукошкине… В смысле прогнило что-то в Датском королевстве…

– Ну дык Дания далеко, а мы-то тут при чём, Никитушка?

– Ни при чём, это образно, это Шекспир.

– Тот самый плагиатор, что ль? Который у деревенских наших бесстыдно истории печальственные тырит?

– Будите Митю, – не встревая в споры, ещё раз попросил я.

Яга сухо козырнула, приложив ладонь к прядке у виска, и бодро шмыгнула в сени. Вася с табуреткой наперевес и Назим с кувшином ледяного айрана

направились следом. Олёна вышла, не желая даже как зритель присутствовать при этом садистском акте – пробуждении Митяя.

Пока со стороны сеней доносился шум, ругань, храп и звуки ударов тяжёлым по недобудимому, мы с моей невестой успели хотя бы обняться…

– У вас всегда тут так?

– Всегда, родная. Отделение – шумная семья и нервная работа, но мы своих не сдаём и идём по следу до конца.

– Нашла себе, дурочка, жениха-милиционера.

– Да ладно прибедняться, я не худшая партия для бывшей бесовки! На меня знаешь сколько боярышень облизывалось?

– И то верно, пусть губки не раскатывают! А только раз уж с меня всё началось, раз я главная подозреваемая, так я и сама от следствия вашего ни на шаг не отступлюсь.

– Ты прелесть! Идеальная жена для скромного участкового, – улыбнулся я.

– Поднимай выше, – уверенно подмигнула она. – Для самого сыскного воеводы! Как люблю тебя, милый…

Поцеловаться мы не успели. Хотели, очень, но не довелось. В горницу вошёл Митя. Спящий. Честное слово, как спал, так и шёл, или наоборот; траекторию его движений корректировали азербайджанский домовой и бабкин кот. Сама Яга, запыхавшаяся и взопревшая, появилась уже следом, видок у неё был не малиновый и не черносмородиновый – бабка явно утомилась.

– Митя, глазки открой и докладывай, – вежливо попросил я.

– Доложить – доложу, а очей разомкнуть не имею возможности, сплю поелику…

– По… почему?

– Поелику, – осторожно кивнув и едва не упав, пояснил он. – Сиречь значит потому что! Филология моя такая, прости господи её, грешную…

– Отставить псевдонаучную болтовню! – прикрикнул я. – Ну-ка быстренько доложи старшим товарищам, что важного и полезного тебе удалось выудить из пьяных возчиков. Только по существу и без театра.

Олёна удивлённо повернула голову в нашу сторону, бабка лишь насмешливо фыркнула – чтоб Митька да без театра? Хорошо, если только он тут ещё и цирк не устроит…

Наш младший сотрудник осенил себя крестным знамением и гулко бухнулся на колени. Первый поклон лбом об пол был отработан от всей широты души – половицы лишь предсмертно скрипнули…

– Не мог я не пить, Никита Иваныч, отец родной!

– Понимаю, достаточно, а теперь вставай и…

– Чую вину свою великую, прощения за то не прошу (чё зря надрываться), а тока как пороть меня на конюшне будете, так уж не до смерти, а? Явите божью милость!

– Ты чего несёшь, Митя?! Когда мы тебя пороли?!

– Бабулю о заступничестве не молю – не ровён час, и она за сердце своё доброе к судьбе моей незавидной по программе полной поплатится. А вот ради невесты вашей, раскрасавицы, ради свадьбы будущей да детишек ваших (даст Господь) уж помилуйте сироту, не бейте цепями звонкими, дайте хоть мясу на спине зарасти, смилуйтесь!

– Митька! – сорвался я, вставая и ища предмет потяжелей, но моя невеста грудью встала на защиту этого гада:

– Не надо, пожалуйста, ради меня! Он же старался, он не будет больше так пить!

Пару минут я стоял перед ней с открытым ртом, красный как мухомор, безрезультатно пытаясь объяснить скупыми жестами, что… А, какая разница?! Митины поклоны об пол гулко отмечали каждые пятнадцать секунд.

– Ну дык ты уж не томи, милок, рассказывай давай, чего да от кого в трактире наслушался, – равнодушно попросила Яга, привычно беря ситуацию в свои хозяйственные руки.

– А в этом плане информацию я наловил всесторонне интересную, – мгновенно сменив тон, развернулся наш паразит к бабуле и, всё так же не раскрывая глаз, пустился перечислять: – Так уж и передайте Никите Иванычу, что невеста его хоть и лошадка тёмная, однако же в поцелуйстве с возчиком Брыкиным запятнана не была. Про то не один свидетель есть, а покойный был до полу женского сластолюбив и хвастлив без меры. Но тот факт железный, что когда его мёртвым на берёзе нашли, то в перелеске фигура девичья, с косою чёрной скрылася, тоже отметить следует.

– А особенное что есть, Митенька?

– Особенное. – Наморщив лоб, наш младший сотрудник покопался пальцем в ухе, вытряхнул соломинку, пушинку, живую божью коровку и наконец сообразил: – Говорят, будто бы до Олёны обоз ровно шёл, а потом как-то… неладно…

– Как это?

– Дык никто и объяснить не может… По мелочам, то телега сломается, то лошадь захромает, то мешки порвутся, то… Неладно, в общем.

– Что ж, и на том спасибо, – подумав, кивнула бабка. – Иди-к ты, милок, в сени досыпать покуда. Ужо к вечеру служба для тебя сыщется.

– Стопочку на опохмел не пожертвуете ли, так я и баиньки? – на всякий случай поинтересовался Митя, не дожидаясь ответа двинувшись в сени. – И впрямь, чё это я? Ровно дитя неразумное, в первый раз, что ли, нашёл кого просить? Да мне скорей отец Кондрат нальёт али Кнут Гамсунович за частушки народные, а чтоб в своём же родном отделении справедливости искать, так нет…

Дверь он успел захлопнуть вовремя. Яга только-только от души замахнулась свежеподаренной немецкой чашечкой, но вдруг опомнилась и удержала руку… Олёна тихой мышкой начала убирать со стола. Кажется, теперь она понемногу входит в реалии наших служебных взаимоотношений и понимает, за кого замуж собралась. А поздно передумывать! Потерять такую чудесную девушку я себе ни за что не позволю…

Дверь заскрипела вновь, и мы уже все трое, не сговариваясь, пульнули туда чем бог послал: я – ватрушкой, бабка – тапкой, моя невеста – полотенцем. Попали все! Дежурный стрелец едва не упал под таким артобстрелом, но выпрямился и чуть обиженно доложил:

– Фома Силыч прибыли! Принять намекают.

– Э-э… чего?! – первым сообразил я. – Что значит «намекают»? Да пусть заходит без всякого, он мне со вчерашнего вечера нужен!

– Робеет он.

– Да тьфу ты, прости господи, – не сдержалась Яга. – Меня, что ли, боится? Так не трону я его больше, пущай не пугается. Вот мужик пошёл, один раз не угодишь, так уже и намекает… Скажи, Олёнушка?!

Олёна машинально кивнула. Стрелец стряхнул крошки творога с груди (моя ватрушка!) и молча махнул рукой кому-то в сенях. Еремеев зашёл не один, вместе с сотником припёрся герой прошлогоднего хоккейного чемпионата Фёдор Заикин. Тоже хороший парень, но с характерным дефектом речи, отсюда и прозвище, то есть фамилия…

– Присаживайся, Фома, – попросил я. – Извини, что задёргал, у тебя и своих дел полно. Но обстановка такая, что… В общем, нужна твоя помощь.

Глава стрелецкой команды молча кивнул и присел на краешек скамьи, как можно дальше от нашей эксперт-криминалистки, но всем видом выражая готовность к сотрудничеству.

– Чаю? – переглянувшись с бабкой, предложила бывшая бесовка.

Фома отрицательно помотал головой. Заикин за его спиной страдальчески вздохнул и перекрестился. Каюсь, видимо, я настолько увлёкся своим начальственным тоном, что в упор не видел бедственного положения моего друга. Мне почему-то втемяшилось в голову, что это он игнорирует мои вопросы невразумительным молчанием.

– Сотник Еремеев, доложите криминальную обстановку по городу. Если не затруднит, со всеми подробностями – важны любые мелочи. Я записываю, итак?

Фома пристально посмотрел мне в глаза, недоверчиво сощурился, закусил нижнюю губу и пальцем поманил Заикина. Верный стрелец откашлялся и начал:

– Н… н… ны… не-э…

– Чего «не»?! Фёдор, я не вас спрашиваю, а вашего прямого начальника.

– А он ну… у… н-не…

– Фома, уйми подопечного.

В ответ все присутствующие (подозреваю – все, включая кота и высунувшегося домового!) уставились на меня с негодующим упрёком. А сам сотник встал, ударил шапкой об пол и, придвинувшись ко мне нос к носу, внятным русским матом высказал всё, что накипело. Причём не произнеся ни звука – у командира стрельцов напрочь пропал голос… Но я почему-то понял всё.

– Извини.

Фома в короткой жестикуляции образно показал, где он видит мои извинения и куда я их могу себе засунуть.

– Здесь женщины, – краснея, намекнул я.

Баба-яга и Олёна одинаково смиренно подняли очи к потолку, делая вид, что в упор не замечают, что разобиженный сотник думает о них конкретно, о всём женском поле в целом, о нашем отделении и его руководстве,

о государственной политике, царе, а также… Фома размахивал руками, как сумасшедший широколопастный вентилятор из Южной Кореи, пока попросту не устал и не рухнул обратно на скамейку.

– В-вот оно как… а в-вы всё д-дра-азни-тесь, – укоризненно заключил Заикин, обмахивая его платочком.

– И… давно это? – Я уже понял, к кому обращаться.

Стрелец вздохнул и пояснил:

– Да со-о-о вчерашн-н…ей ночи. М-мы-то до-о-зором шли, а о-о-о…

– Он?

– Он! О-о-он-то у за-забора си-идел и н-не в себе, ка-а-к… как будто у-у-ви-и…

– Увидел кого-то? И это его так напугало, что он голоса лишился?!

Фома решительно вмешался, всё так же мимикой и жестами доказывая, что ни хрена он не испугался, а просто был шокирован. Стрельцы проводили его домой, он выпил стопочку и уснул, но голос наутро так и не вернулся.

Я строго взглянул на бабку.

– А с чего же я-то, старая, крайней стала? Подумаешь, в лягушку обернула на часок… От этого небось ещё ни у кого голос не пропадал. И не смотри на меня так, участковый, не виноватая я!

– Ладно, учтём, – для виду пришлось согласиться мне. – В конце концов, Митю вы превращали не раз, меня тоже… было… Но фактов потери речи не имелось. Фома, а чего ты там, собственно, такого увидел?

Сотник растерянно пожал плечами.

– И… н-не-э по-о-о-мн…

– Понял, понял. – Поспешив заткнуть рот Заикину, я опять обернулся к Яге: – Бабуль, исключительно в целях чистого эксперимента – одну срочную экспертизу можно?

– Переполох, что ль, вылить? – бодренько вскинулась она. – Дело нехитрое, отчего же нет-то… Чай, уж Фома Силыч нам человек не посторонний небось, поглядим – поможем, по мере умишка да мощей старческих…

Моя домохозяйка быстро достала нужные ингредиенты, напрягла Назима расплавить в миске свечной воск, усадила пострадавшего поудобнее, что-то сыпанула в печь и непонятно зачем шуганула даже не приближающуюся к ней Олёну:

– А ты, девка, под руку не лезь! Вона стой, где стоишь, а шевельнуться не думай даже. Я за тобой каждую минуту слежу, без продыху!

Никто ничего не понял, но заступаться тоже не стали, опытному специалисту сейчас слова против сказать нельзя – чародейство штука тонкая… Одна ошибка в заклинании – и прощай, боевой товарищ, мы тебя никогда не забудем, если будешь в раю, и ты нас добрым словом вспомни! Я только обратил внимание, что слова бабка напевала немножко другие, не те, что над Митькой.

Выливается беда, выжигается!

Всё по слову моему пусть решается.

Опрокидывайся в чан,

Скорбь горючая,

Уходи, тоска-печаль

Неминучая…

Страх-страх! Отпусти душу, развяжи язык, оставь человека…

И ныне и присно, с начала начал до скончания века!

– А-а, вспомнил! – В горницу с восторженным воплем вломился дремавший в сенях Митя. – Ещё на тётку Матрёну жаловались возчики разные! Дескать, капустою, что она в трактир бочками катит, приличному гражданину и водку

закусить невозможно – сплошное сортирное разочарование! И не я им это подсказал, а… А чего это вы тут все на меня такие серьёзные?!

* * *

Пока все присутствующие кто с чем, кому что попало под руку кинулись ловить нашего младшего сотрудника, я неторопливо обследовал ту нелепую восковую форму, которую Яга получила в результате дрогнувшей руки из-за вышеупомянутого эмоционального крика Митиной души. Более всего это походило на уродливый блин с одной дыркой чуть левее центра. Никак иначе идентифицировать это безобразие не могу, я честно пробовал.

В общем, из-за сбившегося заклинания речь к Еремееву так и не вернулась. Митька храбро заперся в бане и уже оттуда грозил утопиться в тазике, если его не простят. Баба-яга, сам сотник и стрелец Заикин бились в двери, штурмуя баньку по очереди, но всерьёз ломать собственную недвижимость моя домохозяйка позволить себе не могла.

Олёна перехватила меня у ворот:

– Ох и весело вы тут живёте, люди милицейские. Ежели не прогонишь, хоть уборщицей, хоть посудомойкой, хоть кем в отделении останусь!

– У Кощея было скучнее? – улыбнулся я.

– Страшно там было, Никитушка, – мигом потускнела она, и я поспешил обнять её за плечи:

– Прости, прости, любимая… Глупая шутка получилась.

– Ладно уж, сам-то куда бежишь?

– К царю. Что-то не складывается у нас, что-то идёт наперекор логике, не могу объяснить.

– А царь сможет?

– Не уверен. Но доложить ему обязан. Не уходи со двора, – ещё раз попросил я. – Пригляди тут за всем… и за всеми.

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода! – Олёна лихо козырнула и, едва ли не лопаясь от смеха, строевым шагом отправилась успокаивать Ягу.

…Я шёл пешком. От стрелецкого сопровождения отказался, ощущение опасности в воздухе не витало. Хотя-а… Вот я, например, в отличие от каких-нибудь экстрасенсов, абсолютно не разбираюсь в «тонких материях». Что, кстати, мне не в плюс, но не об этом речь. Говорят, животные способны чувствовать такие колебания в атмосфере. Ну там землетрясение или наводнение – это понятно, а ещё я читал, что кошки могут видеть ауру. Наша эксперт-криминалистка тоже её видит, специфично, по-своему, только когда клиент врёт…

К чему это я? Ага, к кошкам! Так вот, за всю дорогу до царёва терема мне не встретилась ни одна кошка! Подозрительно? Да, но не факт. К делу не пришьёшь. Обычно по Лукошкину бездомные кошки разгуливают вольготно, их, как и беспородных собак, никто не ловит и не отстреливает. Ну не толпами они по улицам носятся, тоже верно, но и чтоб совсем ни одной?! Нигде! Ни в подворотне, ни на заборе, ни на крыльце, ни на подоконнике рядом с геранью – нет кошек.

Помнится, был случай, здесь по ночам Кощей кошкам головы рубил. Но это разовая акция, больше не повторялась, да и сам гражданин Бессмертный сейчас в столицу носа сунуть не посмеет – у нас отец Кондрат на боевом посту. Не знаю уж почему, но именно одного этого неуравновешенного батюшку наш главный злодей боится порой почище всей нашей опергруппы. То есть, возвращаясь к теме прежних размышлений, всё равно непонятно, почему попрятались кошки… А может, я себя просто накручиваю? Будь что серьёзное, бабкин Вася наверняка предупредил бы…

К Гороху меня пропустили без проволочек. Двор был непривычно пуст. Не прохаживались степенные бояре, не суетились слуги, не бегали спешные гонцы, не толпились иностранные послы и гости, да, собственно, там практически вообще никого и не было, кроме стрелецкой стражи и пары чьих-то холопов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/zhenit-sya-i-obezvredit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити